

Эйке Шнайдер

ПРЕМИЯ
Рукопись года

ЧИСТИЛЬЩИК

Эйке Шнайдер Чистильщик

Серия «Дети Великого Шторма (АСТ)»
Серия «Чистильщики», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66077212
Чистильщик: [роман] / Эйке Шнайдер: SelfPub; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-148577-1

Аннотация

Молодой маг Эрик был уверен, что после диплома его ждут захватывающие перспективы. Он не ошибся: жизнь борца с иномирными тварями трудно назвать скучной, даром что его самого никто не спрашивал, хочет ли он стать одним из элитного отряда. Теперь нужно научиться уживаться с самовлюбленным зазнайкой командиром, бывшим каторжником и девушкой, которая считает Эрика мальчишкой. Умудриться уцелеть в очередном сражении. И, словно мало ему проблем, кажется, кто-то вознамерился отправить на тот свет весь их отряд.

Содержание

1	5
2	24
3	43
4	57
5	72
6	87
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Эйке Шнайдер

Чистильщик

Серия «Дети Великого Шторма»

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ

© Эйке Шнайдер, текст, 2022

© Алиса Плис, ил., 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

1

Раньше Эрик думал: лучше быть мертвым героем, чем живым мерзавцем. Вот только герой из него получился так себе. А умирать оказалось ужасно обидно. Принесла же нелегкая этих чистильщиков!

А ведь так здорово начинался день. Яркий весенний день, когда солнце припекало настолько, что через четверть часа прогулки Эрик засунул шапку и перчатки за пояс. Они с Марой бродили по ярмарке: слушали уличных певцов, хохотали над представлением в кукольном балагане, даром что большую часть шуток при профессорах лучше не повторять. Смотрели, как мужики пытаются влезть по намазанному жиром столбу за подарками. Те выглядели щедрыми – для простонародья, конечно. Живой петух, цветастый платок, новая куртка.

Один дотянулся было до петуха, но птица, захлопав крыльями, тюкнула мужика клювом по темечку. Не удержавшись на столбе, тот стремительно заскользил вниз. Толпа ахнула. Эрик успел плетением сгустить воздух у самой земли, так что мужик упал точно в ступень, не убившись.

– Смотри-ка, петуха так и не выпустил, – сказала Мара. – Здорово ты успел.

Эрик довольно улыбнулся. Наверняка в толпе были и другие школяры, но не у каждого бы вышло так быстро сообра-

зить и так четко сплести.

Мара развернулась к нему и улыбнулась в ответ.

– У тебя веснушки. – Она коснулась его переносицы. – Солнышко поцеловало.

Эрик перехватил ее руку, поднес к губам. Веснушки и веснушки, эка невидаль, каждый год вылезают, хоть и не рыжий, а русый.

– Лучше ты меня поцелуй. Солнышко обойдется.

Она рассмеялась, потянулась на цыпочках. Эрик обхватил ее за талию, прижимая крепче. Оторваться от ее губ получилось не сразу.

– Мне нравится, – сказала наконец Мара. – И ты мне тоже очень нравишься.

Она взъерошила ему волосы. Эрик мотнул головой, откидывая с глаз непослушные пряди. Осенью кто-то подмешал ему в порошок мыльного корня смесь, воспаляющуюся от воды. Ожоги тогда залечили быстро и чисто: наставник был мастером исцеляющих плетений. Не осталось даже намека на шрамы, но пришлось остричься почти наголо. За зиму пооброс, конечно, но в зеркало лишний раз смотреть не хотелось: велика радость. Словно простолюдин после тифа.

Впрочем, зачем парню в зеркало заглядывать? Бриться разве что. И то пока не каждый день приходилось.

Тот случай был одним из немногих, когда вмешались преподаватели. Обычно считалось, что школяры трех выпускных лет способны сами разобраться, против кого дружить и

как встроиться в неявную табель о рангах, поэтому взрослые контролировали лишь малышей. Но не тогда, когда шуточки напрямую угрожали жизни. Зачинщик исчез. Его подпевале, который сам в той проделке не участвовал, Эрик подсыпал в постель порошок, вызывающий чесотку, и на этом счел историю законченной.

Он снова потрянул головой, ругнулся. Чмокнул Мару в нос. Холодный.

– Замерзла? Пойдем погреемся. Пирогов хочешь?

После яркого весеннего солнца таверна казалась полутемной. Эрик, пропустив Мару вперед, замешкался в дверях, давая привыкнуть взгляду. Кто-то толкнул его в спину и ругнулся. Эрик обернулся:

– Мешаю, добрый человек?

Он демонстративно поправил рукав, по-прежнему стоя в дверном проходе. Солнце блеснуло на серебряном браслете школяра. Толкнувший сглотнул:

– Нет-нет, господин. Прошу прощения.

Эрик кивнул, злорадно позволил себе помедлить еще несколько мгновений, чтобы этот тип в следующий раз думал, на кого рот разевает. Формально у одаренных – даже полноправных магистров, не то что школяров – не было ни

власти, ни права владеть землей и людьми, ни возможности наследовать. Но у них был Дар. Солнечный и все земли вокруг принадлежали университету, имя и титул прежнего владельца забыли давным-давно. А в столице сам король, говорят, прислушивался к советам тех одаренных, что оказались при дворе.

Эрик за руку подвел Мару к столу. Подальше от входа, чтобы не мешал сквозняк. Огляделся: народа полно, служанки мельтешат туда-сюда. Хозяин, предвидя наплыв гостей во время ярмарки, нанял новых. Хлопотливых, но бестолковых.

– Сам схожу, ждать неохота.

Пахло в трактире так, что живот подвело, хоть Эрик давно успел забыть, что такое настоящий голод. Он подошел к стойке – народ торопливо подался в стороны. Заказал две кружки пива и пирог с осетриной: после долгой прогулки хотелось есть. Служаночка, проходя мимо, задела крутым бедром, пискнула, захлопав ресницами: мол, прошу прощения, господин. Он улыбнулся, оглядев ее с головы до ног – девчонка и правда хорошенькая, чего бы не посмотреть, – и снова отвернулся к хозяину. Если кидаться на всех хороших девчонок, что улыбаются одаренному, ни на что другое времени не останется. Трактирщик долго ждать себя не заставил: собрал небрежно брошенные монеты, взамен выставив тарелку с пирогами и кружки с пивом. Эрик едва заметно кивнул служанке, та подхватила еду, понесла следом.

Около Мары уже крутился какой-то хлыщ в ярком плаще:

кто-то из благородных, заглянувших на ярмарку. Эрик едва заметно приподнял бровь – красавчик тут же исчез. Мара рассмеялась. Эрик бросил служанке медяк, сел. Зажег свечечок, чтобы не сидеть в полутьме.

Пироги тут всегда были отличные, даром что рыба – еда для простонародья. Ничего, и благородные не брезговали. И...

– Чистильщики, – негромко сказала Мара.

Эрик отставил кружку. Глаза бы на них не глядели.

В дверь зашел мужчина лет тридцати, высокий, темно-волосый и сероглазый, с узким породистым лицом, хоть и подпорченным загаром. Перстня магистра он не носил. Зато на зеленом плаще переливалась разноцветными бликами застежка в виде четырех языков пламени. Говорили, что такой сплав можно получить лишь плетением, секрет которого известен только чистильщикам. По таким застежкам их и узнавали.

Новоприбывший, повертев головой, пристально уставился на компанию, сидевшую за столом у двери, поближе к свету и свежему воздуху. Бормоча извинения, мужики подхватили еду и кружки и исчезли, будто ветром сдуло.

Следом за первым в дверь шагнула девушка, на вид чуть постарше Эрика. Рыжие кудри засветились на солнце золотым ореолом и погасли в полумраке трактира. Девушка устроилась на лавке с ногами, прислонилась к стене, закрыв глаза, и, казалось, потеряла интерес ко всему вокруг. На ее

пальцах тоже не было перстня. Третьим оказался смуглый мужчина лет тридцати пяти – Эрик подумал, что все виденные им чистильщики были намного моложе. Потом накинул еще лет пять, разглядев серебряные пряди во выющихся мелким бесом волосах и бороде. Одаренные не носили бороды, оставляя растительность на лице уделом пустых, но многие чистильщики словно демонстративно пренебрегали приличиями. Вот как этот, например.

Чистильщик оглядел трактир, прежде чем сесть. Глаза у него были черные, жуткие, так что невольно вспоминались деревенские байки про дурной взгляд. И этот тоже был без перстня. Они словно специально показывали, что принадлежность к одаренным им не важна. Вот знак ордена – другое дело.

Эрик снова посмотрел на дверь, ожидая четвертого, но больше никто не появился. Странно.

– Давно их не было, – негромко произнесла Мара.

Эрик мысленно поморщился, проследив ее взгляд. Впрочем, будь на их месте кто другой, он не обратил бы внимания: смотреть – не трогать. Но пялиться на чистильщиков... Когда-то такой же отряд проходил через его родную деревню. Отец припоминал это матери все те годы, что Эрик жил в его доме. А самому ему не говорил об этом только ленивый – кличку Ублюдок он запомнил раньше, чем имя, а драться пришлось научиться едва ли не до того.

– Пойдем отсюда! – сказал он, парой глотков опустошая

кружку.

В конце концов, дожевать пирог можно и на ходу. Тепло сегодня, в пору и плащ скидывать. Погуляют чуть дольше, прежде чем снова садиться за учебники.

– Дай доесть.

Мара снова посмотрела на чистильщиков. Те о чем-то переговаривали вполголоса. Тот, что казался постарше, перевел взгляд на одну из служанок – те уже вились вокруг аж втроем – и так же негромко начал что-то заказывать. Породистый уставился на Мару и широко улыбнулся.

Эрик напрягся было, но девушка быстро опустила глаза, уткнувшись в кружку. Чистильщик, едва заметно пожав плечами, что-то сказал служанке. Та захихикала. Мужчина обнял ее за талию, впился губами в губы, не торопясь отпустить. Девчонка, впрочем, недовольства не выказала. Оторвавшись наконец, чистильщик хлопнул ее по заднице: беги, мол, работай. Она захихикала снова и захлопала ресницами, но мужчина со скучающим лицом отвернулся к спутнику. Служанка упорхнула. Чистильщики снова перебрались парой слов.

– Интересно, просто мимо проходили или кого-нибудь заберут? – продолжила Мара.

Эрик пожал плечами: его это едва ли коснется. Если чистильщики будут выбирать, то наверняка, как и в прошлом году, среди тех, кто взял боевой курс. Тех, кто намеревался, получив кольцо магистра, сопровождать купцов: отправля-

ясь в чужие земли, они не скупились на оплату охране, но все равно спали с ножом у изголовья. Или вступить в армию, отправиться в приграничье, чтобы через несколько лет, если удастся сделать себе имя, попробовать попасть в королевскую гвардию. Его самого не интересовало ни то ни другое. велика радость всю жизнь выполнять чужую волю! Наставник обещал ему место на кафедре: один из старых профессоров собирался на покой. Впрочем, Эрик еще не решил, соглашаться ли. Хотелось поездить, посмотреть мир. В конце концов, он десять лет не видел ничего, кроме университетских стен. А до того была деревня, о которой не хотелось даже вспоминать. Он и не вспомнил бы, если бы не чистильщики.

– Пойдем отсюда, – повторил он.

Кусок в горло не лез, и запить было больше нечем.

Мара кивнула, отставляя кружку.

Но стоило сделать несколько шагов к двери, как тот, что тискал служанку, окликнул:

– Эй, ты!

Эрик не сразу понял, что это относится к ним. Точнее...

– Ты, одаренная!

Мара изумленно оглянулась. Эрик подхватил ее под руку, повлек прочь. Вот же, погуляли!..

– Брось сопляка и иди сюда, говорю!

Эрик застыл. Сопляк, значит. Но рта раскрыть не успел – Мара круто развернулась, выдернув локоть у него из руки:

– Трактирным девкам эйкай! А я – не служанка и пойду с кем хочу. И этот кто-то – явно не ты.

Чистильщик усмехнулся:

– Да, не служанка. У тебя лицо не тронута солнцем, а руки – тяжелой работой. Еще ты наверняка умеешь не только задира́ть юбку, но и поддерживать умную беседу, а мне скучно. Что до желания – можно ведь сделать и так...

В воздухе мелькнули нити плетения – мелькнули и растаяли. Эрик мысленно охнул, узнав узор, что способен на время превратить более слабого духом в послушную марионетку. Запрещенное плетение, о котором знали все и которое всюю использовали, несмотря на запрет.

Успел бы он оборвать нити, если бы чистильщик взялся за дело всерьез, а не показал, что будет, если?..

Мара попятилась, мотая головой. Чистильщик продолжал улыбаться:

– Поверь, со мной интересней, чем с этим мальчишкой. И в постели, и вне ее.

Эрик вспыхнул и задвинул Мару за спину:

– Она не хочет с тобой идти. Оставь. Я только что видел других, кто побежит с радостью.

Чистильщик поднялся из-за стола, шагнул к ним.

– А я не хочу другую. Вот же незадача.

– Альмод, хватит! – Тот, что постарше, придержал его за локоть. – Служанок полно. Оставь детей в покое. Они одаренные, в конце концов.

– Одаренные... – процедил тот почти по слогам. Высвободил руку. – Вижу. И мне плевать. – Он сделал еще шаг, пристально глядя в лицо Эрику. – Отойди и не мешай. Ничего ей не сделается. Да и от тебя не убудет.

Эрик не отвел взгляда – казалось, весь мир сузился до этих темно-серых презрительно прищуренных глаз.

– Тебе ведь не нужна именно она, – сказал он, внезапно поняв. – Ты просто не потерпишь отказа.

– Да, – снова усмехнулся тот. – И что? Что ты с этим сделаешь, одаренный мальчик?

– Эрик, не надо... – прошептала Мара ему в ухо. Руки, обхватившие его за пояс, дрогнули. – Я...

– Нет. Мы уходим. И для этого нам не нужно ничего дозволения.

– А вот тут ты ошибаешься.

В следующий миг Эрик понял, что не сможет сделать и шага, словно ступни увязли в досках пола. Впрочем, почему «словно»? Он отчетливо видел, как сплелись нити, превращая воздух вокруг его ног в густой, почти каменный. Вот, значит, как...

Вокруг завизжали, бросились по углам, боясь приблизиться к двери.

– Альмод, прекрати! – крикнула уже девушка. Схватила за плечи, оттаскивая назад. – Оставь их!

Тот коротко, без замаха двинул локтем:

– Не лезь!

Чистильщица сложилась, задыхаясь. Эрик, воспользовавшись моментом, толкнул в бок Мару:

– Беги!

Она успела сделать два шага – завязла в густом воздухе, будто муха в киселе. Эрик высвободил ее, рванул нити, спеленавшие самого.

– Беги, говорю!

Вырваться он успел, сделать что-нибудь еще – нет. Легкие внезапно наполнились водой, и он рухнул на четвереньки, отчаянно кашляя. В голове мутилось – то ли от недостатка воздуха, то ли от страха. Захлебываясь, выкашливая и выблевывая воду, он все же сумел зацепить контрольную нить. Вдох. Отчаянный, глубокий, настоящий вдох.

Перед глазами замаячили сапоги, и он швырнул в них сгусток пламени – примитивная чистая энергия Дара, годится лишь для ученика-первогодка, никак не для того, кто через три дня будет защищать магистерскую диссертацию. Но можно ли здраво мыслить, когда сердце колотится как ненормальное, вспотевшие ладони липнут к полу, а желудок подкатывает к горлу от страха?

Он никогда не сражался всерьез – занятия и стычки в коридорах университета с такими же школярами не в счет. Он никогда не сражался с тем, кто убивает тусветных тварей и чья жизнь зависит именно от умения плести нити мира в полную силу.

Сапоги шагнули в сторону – кажется, даже неторопливо.

Пламя пронеслось мимо, рассыпалось безвредными искрами. Перед лицом промелькнула рука, стянула ворот, вздернула на ноги.

– Оно того стоило? – поинтересовался чистильщик.

Закричала Мара, бросилась – глупо повиснув на плече чистильщика, словно разом забыла все плетения. Тот даже не глянул в ее сторону, пальцем не пошевелил – а девушку отнесло, швырнуло на пол.

– Так стоило оно того, чтобы умирать?

«Нет!» – кричало что-то внутри. Что угодно, только не...

– Да! – выплюнул Эрик.

Потянулся к Дару последним отчаянным усилием, но чистильщик оборвал нити еще до того, как те успели сплестись. Потом невидимая рука сжала сердце, оно затрепыхалось пойманной птицей, Эрик захрипел, задыхаясь, и мир исчез.

Он открыл глаза, медленно сел. Темнота перед глазами постепенно рассеивалась, сердце вело себя прилично, и можно было дышать, только трясло от запоздалого страха. Мара, рыдая, обняла, уткнулась в плечо. Трактир опустел, хотя на улице вокруг гудел народ, деловито куда-то спешил, старательно не обращая на них внимания. Одаренные сцепились,

бывает, редко, но бывает. И как бы вот эти, что едва живы остались, сейчас не решили зло сорвать на тех, кто не вовремя оказался рядом и видел...

– Чем-то помочь, господин?

Лицо трактирщика отчетливо отливало зеленью, но не сбежал, надо же.

– Где... – просипел Эрик.

– Ушли... – всхлипнула Мара. – Бросили хозяину золотой, развернулись и ушли.

Эрик погладил ее по волосам, все еще не понимая, на каком он свете.

– Погуляли, значит...

– Прости! – снова всхлипнула она.

Он покачал головой:

– Ты тут ни при чем. Ему нужен был повод.

Эрик вздохнул, поежился от пробежавшего по хребту холода. Вот, значит, как это бывает, когда смерть проходит в полушаге.

Мара продолжала рыдать, вцепившись в него:

– Он остановил сердце. Я думала...

– Запустила ведь?

Она закивала, все еще прижимаясь к нему лицом.

– Тебя не тронули?

– Нет. – Мара наконец оторвалась от него, заглянула в глаза. – Но я так испугалась...

– Я тоже, – хмыкнул он.

Медленно поднялся, оглядываясь. Просто ушли, значит... Снова затрясло – теперь уже не от страха, а от пережитого унижения. Спалить бы этот трактир к тусветным тварям, чтобы не напоминал. Эрик поднял ладонь, на которой заплясал огонек. Стряхнуть, точно воду с только что мытых рук, и полыхнет так, что ничем не потушишь.

– Господин... – просипел трактирщик.

Эрик оглядел съездившуюся фигуру, перекошенное от страха лицо:

– В доме есть кто-нибудь, кроме тебя? Семья, дети?

Трактирщик мотнул головой:

– На улице бегают. Не губи...

– Уходи. Если не хочешь сгореть вместе с...

Тот заскулил, обхватив руками колени одаренного и что-то бессвязно лепеча. Что-то про семью, которая по миру пойдет. Врет. За золотой, который ему сегодня бросили чистильщики, мастер-каменщик будет полгода работать от рассвета до заката. Да наверняка и еще успел в кубышке припрятать. Не сдохнут.

Впрочем, какое ему, Эрику, до этого дело? Пнуть от души, чтобы отлетел, а потом сбросить с руки огонь, и пусть горит со своим добром, если хочет. Сам выбрал.

– Уйди, – повторил он. – Эти стены не дороже жизни.

Трактирщик отчаянно замотал головой, так и не разжимая рук. Всхлипнул. По лицу покатались слезы. Эрик долго смотрел на него сверху вниз. Ему ни разу еще не приходи-

лось убивать.

– Поди прочь. – Он сжал кулак, гася огонь.

Тот отполз на коленях, сбивчиво благодаря. Эрика снова передернуло. Он порылся в кошельке: золотых не водилось, и нескоро еще заведутся, но серебряк найдется.

– За беспокойство. – Он бросил монету трактирщику. Обернулся к Маре, мотнул головой. – Пойдем домой.

Нагулялись.

Когда перестанет трясти, надо зайти к профессору Стейну и записаться на боевой курс. Зря он считал его уделом тех, кто не умеет пользоваться головой и словами. Как раз будет чем заняться после защиты.

Внутри было удивительно мерзко.

Выбрать время и дойти до профессора Стейна удалось лишь накануне защиты. Хотя, казалось бы, чего там особо идти: поднямись на верхний этаж университета в зал для боев да постучись в дверь. Если профессор не у себя, значит, гоняет группу где-то на улице.

Два года назад Стейн сам предлагал Эрику заниматься, а в перспективе защищать магистерскую по боевым плетениям. Тогда он отказался, и сейчас при одной мысли о том, что придется объяснять, с чего вдруг переменил решение, стано-

вилось тошно. В прямом смысле: мутило и слабели колени.

Однако профессор, вопреки ожиданиям, расспрашивать не стал, сказал лишь: «Группу уже не догонишь, приходи после защиты: составим расписание на ближайшие месяцы, а потом видно будет. Может, все же уедешь». Эрик помотал головой: уезжать расхотелось, расхотелось вообще выбираться из университетских стен. Глупая и постыдная слабость, с которой рано или поздно придется справляться, но пока хватало и других дел.

Выйдя из кабинета, Эрик едва не столкнулся с наставником. Человека, что шел рядом с профессором Лейвом, он узнал не сразу. Без темно-зеленого плаща, в синем шитом серебром дублете тот походил на одного из благородных, что часто заглядывали в университет. Особенно незадолго до выпуска: присматривали среди будущих магистров целителя или алхимика, а может, человека в личную дружину.

И выражение лица у чистильщика сейчас было совсем другим: благожелательно-заинтересованным, словно он действительно наслаждался беседой. Он перехватил взгляд Эрика, едва заметно улыбнулся. Коротко поклонился: так приветствуют случайных знакомых. Эрик поклонился в ответ: как бы ни хотелось исчезнуть, пренебрегать приличиями в присутствии наставника не стоило.

– Вы знакомы? – удивился профессор.

– Мы не представлены, – сказал чистильщик, – но довелось переброситься парой слов на ярмарке.

- Тогда позволь тебе представить. Эрик, мой диссертант.
- Рад знакомству, – кивнул чистильщик.
- Альмод, мой ученик.

Эрик снова поклонился, пытаясь натянуть на лицо доброжелательность. Мысль, что наставник когда-то занимался с... этим: помогал разбираться в особо хитрых плетениях, выбрать тему работы, подсказывал какие-то детали, расспрашивал о планах на будущее, всерьез обсуждая их, словно с равным, – кольнула. «Глупости, – сказал он себе, – нельзя же ожидать, что будешь единственным и исключительным учеником». Но...

- С вашего позволения, профессор...
- Да, конечно, иди. Я тебе понадобится сегодня?
- Нет, спасибо. – Эрик растянул непослушные губы в улыбке. – Перед смертью не надышишься.

Чистильщик ухмыльнулся, но мгновенно стер усмешку с лица. Эрик поежился: так себе получился каламбур, если учесть... Хорошо, что наставник не знает.

- Это точно, лучше выпишь, – согласился профессор. – Свежая голова завтра пригодится больше моих наставлений. Ступай.

Эрик зашагал прочь, изо всех сил стараясь не пуститься бегом.

В прихожей этажа, где жили девчонки, дежурные развлекались орлянкой: монета то повисала в воздухе, то начинала выписывать замысловатые кренделя, то вовсе исчезала, что-

бы появиться под потолком или у самого пола. Эрику показалось, что забаву они прервали чуть ли не с облегчением: видимо, ни одна так и не смогла взять верх. А тут намечалось новое развлечение, поэтому девушки оставили прискучившую игру и без возражений позвали Мару.

– Что случилось? – спросила она вместо приветствия.

Эрик подсадовал: так и не научился толком прятать истинные чувства. Накинул плетение, не позволяющее подслушать, – ничего особо секретного в том, что он собирался сказать, конечно, не было, но подобные вещи делались уже почти бездумно. Все знали, что дежурные от скуки прислушиваются и приглядываются к тому, что происходит в прихожей, а сплетни были такой же естественной частью университетской жизни, как розыгрыши. Но в этот раз Эрика передегивало от одной мысли о возможных пересудах.

– У тебя нет никаких дел на сегодня? – спросил он.

– Готовлюсь к завтрашней защите. А что?

– Вот и хорошо. Вот и готовься. И носа не высовывай из комнат до утра.

– Чистильщики здесь? – догадалась Мара.

Эрик кивнул:

– И меня он узнал. Так что мало ли...

Вряд ли, конечно, этот тип начнет задиаться при профессорах. С другой стороны, а что или кто ему помешает?

– Поняла. – Она помедлила. – Ты как?

Он пожал плечами:

– Нарываться не собираюсь.

Хотя отомстить за пережитое хотелось, что уж греха таить. Только не совсем же он дурак.

– А вообще, не самое приятное знакомство в моей жизни. Нас представили, – добавил Эрик в ответ на вопрошающий взгляд. – Оказывается, он тоже защищался у наставника.

Мара легко коснулась его губ:

– Плюнь на него. Еще день-два, и они снова уйдут. Завтра защита.

Эрик кивнул. Взъерошил ей волосы.

– Удачи завтра.

– И тебе.

На испытаниях Эрик всегда выходил отвечать первым. Лишние полчаса-час ничего не изменяют: что знаешь, то знаешь, а тянуть – так только изматываешься ожиданием и неуверенностью. Так что и защищаться он пошел первым из дюжины. Четверть часа на изложение, еще четверть часа – на вопросы и ответы, и можно спокойно что-нибудь почитать до объявления результатов. Он даже книжку с собой прихватил. О путешествии купца в восточных землях. Библиотекарь нахваливал: мол, слог бойкий, и автор, похоже, почти не приврал.

Чистильщик появился в аудитории, когда Эрик заканчивал излагать причины выбора темы. Устроился за рядами школяров, привалившись спиной к стене и поставив одну ногу на скамью, уставился поверх голов со скучающим видом. Эрик сбился, мысленно выругался: принесло его, не мог на полчаса позже!.. Разозлился на самого себя: еще утром был уверен, что даже явление демонов не заставит его потерять ход мысли на защите. В конце концов, тему магистерской он знал еще два года назад, вопрос был лишь в том, получится ли доработать идею до чего-то собственного, настоящего, не ограничиваясь пересказом чужих теоретических выкладок. Получилось. Ему было чем гордиться. Не каждый может похвастаться авторским плетением на защите магистерской.

Эрик откашлялся:

– Последним же аргументом в пользу выбора именно этой темы стало...

На самом деле причина была ровно одна: его завораживало, насколько тонко завязаны в любом живом существе силы созидания и распада и как одно не может существовать без другого. В созидание особо не лез – пробовали уже умы не чета ему, и все попытки отменить разрушение порождали не вечную молодость и бессмертие, как хотелось бы, а уродливых безумных монстров. Порождали, пока повторять подобные эксперименты на людях не запретили под страхом смерти. Разрушение казалось проще. Может, и прав был Стейн, когда зазывал к себе. Если к способности Эрика находить уязвимые места в чужих плетениях – пусть даже созданных самим Творцом! – прибавить навык быстро выстраивать собственные и умение обращаться с мечом, благородные передерутся за такого бойца. Только самому ему все это даром не нужно. В библиотеке и лаборатории куда интереснее.

Эрик развернулся к заранее развешанным листам с теоретическими выкладками. Тут можно было даже не учить. В конце концов, он сам это собрал.

– И таким образом приходим к выводу...

– Стоп! – Чистильщик пружинисто поднялся, словно взлетев со скамьи, в несколько шагов оказался рядом с доской. – Вот здесь и здесь плетения не сочетаются.

– Прошу прощения, – сказал профессор Лейв, – но время

для вопросов настанет чуть позже. Не сомневаюсь, что наш уважаемый диссертант сумеет разрешить ваше недоумение.

– Я, конечно, могу поспать еще... – Альмод бросил взгляд на песочные часы, отмеряющие время доклада. – Минут пять, пока ваш уважаемый диссертант заканчивает свою, несомненно, отлично вызубренную речь...

«Уважаемый» в его устах прозвучало как издевательство. Эрик вспыхнул. Уж что-что, а такого рода доклады он не заучивал никогда. Начнешь зубрить – обязательно от волнения что-нибудь позабудешь. Да и зачем, когда все понятно?

– Но не вижу причины терять время как свое, так и уважаемой, – чистильщик едва заметно поклонился, – комиссии. И, право, я удивлен, что профессор Лейв и особенно профессор Стейн как оппонент не обратили внимания на эту неувязку. Неужели за последние десять лет требования настолько снизились?

Задницей он слушал, что ли? Нет там никакой неувязки. Да, комбинация неочевидна, но вполне реализуема при определенных условиях. Эрик попытался поймать взгляд наставника, но тот старательно отводил глаза.

– Если вы так ставите вопрос... Думаю, уважаемый диссертант сможет развеять ваши возражения, не дожидаясь времени, выделенного на прения.

Эрик мысленно выругался. Да что этот гад к нему прицепился, в конце концов?! Так задело, что ему посмели перечить? Но, если так, он бы тогда не ушел. Не позволил бы Ма-

ре тут же запустить сердце. И сотворил бы с ней все что хотел – просто для того, чтобы лишний раз показать, что всегда получает желаемое. Или ему интересно не убить, а в очередной раз унижить? Чтобы навсегда запомнил и всем знакомым заказал вставать на пути чистильщика?

А самое обидное – ни наставник, ни остальные даже не попытались его защитить. Наставник ведь мог быть и другим, настойчивым и по-настоящему грозным. Да что один чистильщик может сделать четверем профессорам, один из которых до сих пор время от времени ездит в столицу на турниры «поразматься»?!

Эрик тряхнул головой, откидывая с глаз упавшие пряди:

– Сочетаются. Если не взаимодействуют напрямую.

Он сдернул лист с доски, начал выводить формулы.

– Именно. А теперь собираем это вместе. – Альмод отобрал у него кусок мела и продолжил: – И вот тут и тут получаем противоречие. Шарахнет так, что костей не соберешь.

– Нет. Вы не дали мне закончить. Вот тут и тут выплетаем «прокладку», и напрямую эти два плетения не взаимодействуют. Собственно, об этом я говорил с самого начала. Это возможно. Я... мы с наставником проверили.

– Покажи.

Эрик прикусил губу. У него самого это плетение получалось через два раза на третий, слишком за многими нитями приходилось следить. По правилам во всех отделениях, кроме боевых плетений, для защиты достаточно теоретических

выкладок. Что-то просто нельзя делать в аудитории, полной народа, где-то школяр может не удержать нити от волнения, сорвавшееся плетение ударит по нему самому. Обычно это не грозит ничем опаснее боли и носового кровотечения, но боль боли рознь, иной раз и без чувств валились.

И все же отказываться сейчас, под насмешливым прищуром чистильщика и любопытными взглядами дюжины сверстников, было нельзя. Эрик глубоко вздохнул, пытаясь унять колотящееся сердце, прикрыл глаза и начал плести. Это урок, сказал он себе. Просто урок. Следить за нитями. Найти, куда бы их опустить безопасно. Он отогнал соблазн накрыть чистильщика – и пусть рвет, если такой умный. Подопытные крысы превращались в иссохшие трупики за несколько мгновений. Проверять, что станет с человеком, не хотелось – и вовсе не потому, что за нападение на чистильщика его мгновенно выдадут ордену, а тот с такими не церемонится.

– Распускай! – велел Лейв.

Повисла тишина.

– Что ж... Уел, – произнес наконец чистильщик. – Вопрос снимается.

Он отошел в сторону и прислонился к стене, скрестив руки на груди.

– Заканчивай доклад, – сказал наставник.

Легко сказать: «Заканчивай». Эрик с трудом вспомнил, что там должно быть дальше. Сердце колотилось в горле, а

руки тряслись так, что, наверное, видела вся аудитория. Он второй раз не позволил вытереть о себя ноги – и лишь Творцу было ведомо, чем теперь все это кончится. Эрик заставил себя собраться. В конце концов, что сделано, то сделано. Не отпрапляться же на пересдачу, признав несуществующую ошибку?

– Признаю, что практическое применение довольно ограничено и нужна более тщательная проработка. Тем не менее считаю, что в определенных аспектах исцеления...

Дикое мясо, которое бесполезно прижигать и иссекать, хитрые опухоли, оказавшиеся слишком близко к жизненно важным органам, застарелые шрамы. Впрочем, далеко не каждый целитель сможет работать с такой точностью. Сам Эрик точно бы не смог. Как и все в университете, он знал основы исцеления и не только основы. Наставник любил исцеляющие плетения и с радостью ими делился, а Эрик считал, что такие вещи всегда пригодятся. Но, если совсем на чистоту, практическое применение нового плетения его не интересовало совершенно, он искал его, только потому что этого требовали условия защиты.

– Хорошо, – сказал наставник, когда он закончил. – Есть ли вопросы у комиссии?

Наставник предупреждал, что вопросы появятся обязательно, даже если все будет изложено предельно ясно. Просто для того, чтобы соблюсти приличия: что это за защита без дополнительных вопросов? Но сейчас профессора, пере-

глянувшись, покачали головой. Правильно, после выступления этого...

Альмод отлепился от стены.

– Боевое применение ты не рассматривал?

Эрик покачал головой. Теоретически, наверное, можно сделать не узкий луч, а что-то подобное широкому пятну света и накрыть человека. Но максимальный диаметр... Он, забывшись, невольно начал пересчитывать.

– Я жду ответа, – напомнил чистильщик.

– Не знаю, – отмер Эрик. – Я никогда не был...

– Будешь, – пообещал чистильщик. Повернулся к комиссии: – Я так понимаю, для нашего уважаемого диссертанта защита окончена?

– Мы должны обсудить оценку... – сказал профессор Стейн.

– Можете не тратить времени. Я его забираю.

Громко, на всю аудиторию охнула Мара. Эрик застыл, не в силах поверить, что все это происходит на самом деле. Почему он?!

– У тебя четверть часа на сборы.

Неправда! Это не может быть правдой! А как же его жизнь, его планы?! А как же место на кафедре, исследования? А... Мара?..

– Профессор Лейв... – выдохнул он.

Наставник поднялся:

– С вашего позволения, господа. Я на минуту. Альмод,

Эрик?

Эрик на ватных ногах двинулся за ними. Едва за спиной закрылась дверь, профессор прикрыл всех троих от подслушивания.

– Ты изменился, Альмод.

Тот хмыкнул:

– Трава зеленая, солнце встает на востоке и садится на западе, я изменился. Десять лет назад вы не изрекали банальности с таким серьезным видом.

– Оставь его, прошу тебя. У Стейна сейчас пятнадцать человек с трех курсов. Они рвутся в драку.

– Видел, – отмахнулся чистильщик. – И вы об этом знаете. Ничего особенного.

На наставника было жалко смотреть.

– Но что такого особенного в Эрике? Он не боец, он ученый!

– Не боец? – усмехнулся Альмод. – Я бы поспорил. – Он начал загибать пальцы: – Достаточно смел, чтобы вступить за то, что ему дорого. Достаточно владеет собой, чтобы не потерять голову, даже когда почти обделался от страха. Достаточно упорен, чтобы сражаться, даже когда битва заведомо проиграна...

– Так это что... – Эрик даже забыл, что перебивать невежливо, настолько нереальным казалось все происходящее. – Это была просто проверка?!

– Конечно! – вновь усмехнулся чистильщик, пожимая

плечами. – На кой мне твоя девка? Какая разница: одна, другая... Просто удобная возможность посмотреть, чего стоят в деле сразу двое одаренных.

Эрик выругался. Вслух: терять уже все равно было нечего. Наставник покачал головой. Альмод не обратил внимания – или сделал вид, что не обратил.

– Наконец, достаточно умен, чтобы не дать себя запутать и доказать свою правоту. Идеальный материал.

– Материал!.. – горько усмехнулся наставник. – На каких условиях ты откажешься от него?

– Ни на каких, – осклабился Альмод. – И, если вы собираетесь меня подкупить, подумайте еще раз. Золото не забережь к Творцу, а я могу очутиться перед Его ликом в любой момент.

– Второй раз чистильщики забирают моего лучшего ученика... – вздохнул профессор.

– А кто был первым? – светским тоном поинтересовался Альмод.

– Ты. Или ты не знал, что ректор собирался растить из тебя своего преемника?

Альмод расхохотался:

– Он был бы очень разочарован, увидев, что после смерти моего отца поток пожертвований иссяк.

– Мои соболезнования.

– Они опоздали на десять лет.

– Могу я спросить, что с ним случилось? – осторожно про-

изнес наставник. – Он был не стар и довольно крепок, как я слышал.

– Сердечный приступ. Застиг ночью, в покоях, тело нашли утром. Разрыв желудочка, тампонада... Лекарь написал мне, очень винился. Только кого и когда могли вернуть извинения?

– Кому перешел герб?

Чистильщик пожал плечами:

– Должен бы кузену, но я не интересовался. Право на герб я потерял незадолго до того, как попал сюда.

– Но цвета носишь...

– Почему бы и нет? – Он в очередной раз усмехнулся. – Но мне кажется, профессор, вы тянете время, задавая вопросы о делах многолетней давности, а сами пытаетесь найти доводы... Десять лет назад вы не были так упорны.

– И до сих пор стыжусь этого.

– Что ж, у вас будет еще один повод устыдиться... Потому что нужных доводов вы не нашли. Или хотите заменить его сами?

Наставник изменился в лице. Альмод широко улыбнулся – до чего же мерзкая у него была улыбка! – и перевел взгляд на Эрика.

– Хватит подслушивать.

– Я не...

– Дай руку! – приказал чистильщик, вытаскивая нож.

Эрик растерянно глянул на наставника – тот кивнул, лицо

его не выражало ничего.

– Дай руку, – повторил Альмод. – Можешь орать.

Нож полоснул по ладони. Эрик хмыкнул – за слабака держит. Лезвие было настолько острое, что он почти ничего не почувствовал. Чистильщик вложил ему в руку бусину дымчатого стекла, заставил сжать кулак. Боль обожгла, словно с кровью по руке к сердцу разливалось едкое купоросное масло. Эрик стиснул зубы: хватка Альмода теперь казалась стальной. В глазах потемнело, мысли исчезли, оставив только одну – не орать. Не позориться перед этим...

Боль исчезла так же внезапно, как появилась. Чистильщик заставил раскрыть ладонь, плетением подхватил бусину, ставшую дымчато-алой. Эрик сморгнул слезы, глупо надеясь, что никто не заметит.

– Все, можешь затягивать.

Плетение закрыло края раны, оставив тонкую розовую полосу. Через четверть часа не станет и ее.

– Зачем это? – осмелился спросить Эрик.

– Чтобы не удрал, – непонятно ответил Альмод. – Все. Четверть часа пошла. Собирайся. Не успеешь – уйдешь в чем есть. Будешь сопротивляться – уведу силой: пока тебе со мной не справиться.

Эрик до крови прокусил губу. Еще не хватало разрыдаться прилюдно.

– Почему не дерево или ткань? – спросил за спиной наставник.

– Дерево или ткань, пропитанные кровью, твари сожрут. Труп своего не тронут.

– Так это труп твари? А еще есть? – В голосе наставника прорезалось почти мальчишеское любопытство.

Чистильщик расхохотался:

– Профессор, неужто вы до сих пор ни одной не видели?! После прорыва их полным-полно.

– Творец миловал от прорывов поблизости. Да и...

– Да и занимаетесь вы обычно другим. Еще одного нет. Но как-нибудь снова сюда соберусь, прихвачу для вас. Специально не измененный плетениями, как есть.

Что ответил наставник, Эрик уже не расслышал.

Общая спальня была пуста, хвала Творцу: кто на защите, кто на занятиях. Не придется никому ничего объяснять. Эрик рухнул плашмя на кровать: ноги не держали, и все вокруг казалось каким-то ненастоящим, неправильным, словно грубо намалеванные картинки за сценой ярмарочного балагана. Сухо всхлипнул: слез не было, но горло перехватывала судорога, мешая дышать. Впервые в жизни он хотел, чтобы про него сказали, дескать, ничего особенного. И оставили в покое. Но идеальный материал, пропади оно все пропадом.

Про чистильщиков говорили разное: несравненные бойцы, одинаково искусно владеющие и Даром, и клинком, обладатели тайных знаний, позволяющих быть одновременно в двух разных концах страны, а то и мира, прорицатели. Никто не знал, что из этого выдумки, а что правда. Но до тех пор,

пока только они могли остановить тусветных тварей, способных в несколько часов превратить в стеклянную пустыню деревню, а то и город, любой из них имел право забрать в орден любого одаренного, от школяра, только-только переступившего порог университета, до королевского гвардейца, а то и ректора. В прошлый раз они приходили в университет год назад. С той девчонкой, Рагной, Эрик не ладил, поэтому особо о ней не вспоминал. О нем, наверное, тоже мало кто вспомнит. А кто-то и порадует: соперником за место на кафедре меньше.

Эрик заставил себя сесть: с этого гада действительно станется забрать в чем есть, а до лета еще далеко. Впрочем, собирать-то ему особо нечего, всех вещей – сундук у изножья кровати. Две смены белья, одна – одежды, теплый плащ и уличная обувь, все из кладовой университета. По-настоящему личное – только подарки Мары: закладка для книг из резной слоновой кости да вышитый бисером кошелек. Еще записи с лекций, но вряд ли теперь есть смысл тащить их с собой. Даже книги библиотечные. Чтобы купить хотя бы одну, пришлось бы год откладывать всю школярскую стипендию.

Жаль, конечно, что не успел даже начать историю о похождениях купца за морем. При мысли об этом Эрик расхохотался и вздрогнул, когда смех эхом отозвался в пустой спальне. Конечно, именно о непрочитанном стоит сожалеть больше всего. Впрочем, книгу можно взять с собой. Кто теперь посмеет ему хоть что-то сказать?

Он сложил вещи аккуратной стопкой на покрывале, размышляя, во что бы их упаковать. Университетский сундук слишком тяжел, холщовая сумка, с которой он время от времени выходил в поселок, — чересчур мала. Раздумья оборвал появившийся в дверях Альмод.

— Кто вас пустил? — вслух удивился Эрик.

— А кто меня остановит? — пожал плечами тот. — Держи.

Эрик бездумно поймал что-то небольшое, блестящее. Перстень магистра. Совсем не так он мечтал его получить.

— Полагаю, эта безделица тебе быстро надоест, — сказал Альмод. — Но пока... Чем бы дитя ни тешилось.

«Безделица». Кое-кто за такую платил головой. В прямом смысле: самозванцев, пытавшихся выдать себя за одаренного, казнили немедленно после разоблачения, и все равно такие находились. Интересно, почему чистильщик не носит свой перстень? Не успел получить или вправду считает ничего не значащей безделушкой?

— Это тоже тебе. — Альмод подошел ближе и небрежно бросил на кровать кожаную торбу с ремнями.

Торба была на удивление приличной, самое то, чтобы носить за спиной. Отличная выделка: вещь выглядела легкой и прочной. И дорогой, хоть всех украшений — тиснение по краю.

— Укладывайся, и пойдем. И, кстати, можешь говорить мне «ты». Раз уж нам теперь придется, — ухмыльнулся чистильщик, — сражаться плечом к плечу.

Эрик хмуро промолчал. Говорить не хотелось. Вообще ничего не хотелось.

Мара бросилась ему на шею, едва он вышел из спальни.

– Откуда ты? – отстраненно удивился Эрик.

Странно, но все чувства словно стерли. Как будто все происходило не наяву, а он лишь наблюдал за дурным балаганом.

– Отпустили попрощаться.

– А защита?

На экзаменах Мара всегда шла второй. Третьим обычно был Йоран, но ему предстоит защищаться завтра, у подземников. Чтобы потом мотаться по стране, искать, что полезно хранит земля. Жаль, с ним попрощаться не получится. И с остальными. Хорошо, что Мара вырвалась. Или наоборот. Слишком больно сознавать, что несколько минут – это все, что у них осталось. Может, лучше было бы вовсе не рвать душу ни себе, ни ей.

– Там еще полно народа. Успею. – Она отстранилась, заглядывая в глаза. – Это все, что тебя сейчас интересует?

Эрик не ответил – слов не было. Только смотрел – не насмотреться, не запомнить. И он так и не сказал... Слова казались неважными, когда она рядом, а теперь, наверное, и незачем.

– Возьмите меня с собой, – вдруг попросила Мара.

– Сдурела?.. – выдохнул Эрик.

– Нет. – Она повернулась к чистильщику. – Я совершенно

серьезна. Авторским плетением похвастаться не могу, но...

Альмод демонстративно оглядел ее – медленно, оценивающе, но не как женщину, а словно диковинную зверушку.

– Мне нужен один боец.

– Тогда вместо него.

– Мне нужен боец, а не влюбленная дура! – отрезал чистильщик. – Ты плетешь быстрее и четче, это верно. И Дар у тебя сильнее. Но совершенно не умеешь справляться с чувствами. Третьего дня ты сперва надерзила заведомо сильному, испугавшись, но не желая этого сознавать.

– Я не...

– Потом едва не лишилась рассудка от страха. Попыталась расцарапать лицо, точно пустая, – фыркнул он. – Не говоря о том, что и без плетений я тоже сильнее.

Мара залилась краской.

– Сейчас снова едва не сходишь с ума и готова на все. Лишь оттого, что боишься потерять любовника, – безжалостно продолжал Альмод. – Но возьми я тебя вместо него – через месяц поймешь, что все равно его потеряла, получив взамен только постоянные скитания и перспективу смерти в любой момент. Возненавидишь – его, себя, меня, конечно же. И я получу либо нож в спину, либо необходимость снова искать и натаскивать бойца.

– Неправда, я...

– А так – неделю порыдаешь, через месяц привыкнешь, через полтора оглядишься и поймешь, что смазливых парней

кругом полно. С умными хуже, но и это решаемо.

– Если что – я уже сейчас тебя ненавижу... – прошипел Эрик. – Не боишься ножа в спину?

– От тебя – разве что в грудь. А с этим я как-нибудь совладаю. Прощайтесь, и пойдем.

Он демонстративно отвернулся, сложив руки на груди.

– Я буду ждать... – прошептала Мара.

– Глупо, – сказал Альмод, не оборачиваясь. – От нас не возвращаются.

– Да заткнешься ты наконец! – закричала она.

Эрик перехватил взметнувшиеся кулаки, прижал девушку к груди, обнял.

– Ш-ш-ш... Не надо. – Он коснулся губами ее волос. – Хватит. Тебе сегодня нужна холодная голова. Еще защищаться.

– А ты можешь думать хоть о чем-то другом? – Она отпихнула его, разрывая объятия.

Эрик приподнял ей подбородок, заглянул в полные слез глаза.

– Почему бы мне не думать о твоём будущем, если своего у меня больше нет? – Он поцеловал соленые ресницы. – Не вздумай провалиться. Ради меня, хорошо?

– Хорошо... – всхлипнула Мара. – Я тебя...

– Не надо. – Он накрыл ее губы пальцами, не давая договорить. Улыбнулся. – Не стоит. Беги, время идет, а тебе еще надо умыться.

Она шагнула назад.

– Беги, – повторил Эрик. – Покажи им всем, что ты не влюбленная дура, а полноправный магистр. И будь счастлива.

Она кивнула:

– Я буду ждать.

Быстро-быстро застучали шаги по лестнице. Эрик откинул голову, глядя в потолок и часто моргая. Вот и все.

– Пойдем, – сказал Альмод. – С наставником прощаться будешь?

– Нет.

– Ну и правильно.

– Да иди ты со своим «правильно – неправильно»! – не выдержал Эрик. – Сам как-нибудь решу.

– Они не стоят твоего внимания, – продолжал чистильщик, словно не услышав. – Даже у твоей девчонки больше смелости, чем у этих умудренных сединами. Они бросили тебя еще на защите. Боялись слово поперек сказать – а вдруг я в отместку заберу любого из них, чтобы через неделю вернуться за тобой.

– В смысле?..

– Кто проверит, погиб ли новобранец от тусветных тварей, ошибки в плетении или недовольства командира? Рапорт написан, тело предано огню, отряду снова нужен четвертый.

Вот, значит, как...

– Хочешь напугать покрепче?

– Нет, зачем? Просто порой мне самому любопытно: многие ли из пропавших отрядов погибли не потому, что не справились с опасностью, а лишь потому, что командир окончательно зарвался?

– Еще сильнее зарвался? – брякнул Эрик прежде, чем осознал, что несет. Охнув, закрыл рот рукой.

Альмод лишь заливисто расхохотался.

Пожалуй, зря Альмод сюда приехал. Конечно, на границах сейчас беспокойно, и вытаскивать оттуда опытного бойца было бы, наверное, неправильно. Стоило, конечно, напомнить себе, что, если чистильщики однажды не удержат тварей, все эти приграничные распри покажутся дракой школяров-первогодков.

Но совершенно некстати пришли в голову слова Ульвара: дескать, проще изначально выковать оружие под себя, чем принаравливать к тому, что пришло в руки. И Альмод решил съездить в университет. Благо, Солнечный был лишь в трех днях от места последнего прорыва. Того, что стоил жизни Уне. До границы пришлось бы добираться недели две. Если не рисковать, переходя между мирами. А они и так задержались из-за Уны, и дольше тянуть время не стоило.

Но старому другу нравилось возиться с молодняком. Превращать личинку чистильщика в доброго бойца. Сам Альмод предпочитал с самого начала иметь дело с личностью. Разглядеть ее в толпе детишек с одинаково наивными глазами казалось невозможным.

Он искоса глянул на Эрика, молча шагавшего рядом. Они шли мимо торговых рядов, где, как всегда, было полно народа. Пацан здорово его разочарует, если не попытается удрать. Впрочем, тот не подвел. Огляделся – наверняка самому ка-

залось, что незаметно. Дождался, пока рядом окажется группа мужиков, перед которой можно было бы проскользнуть. Шарахнул Альмода усыпляющим плетением. Чисто сделал. И быстро, многие и заметить бы не успели. Неплохо, очень неплохо.

Альмод мог бы разорвать нити задолго до того, как плетение сложится. Но предпочел подождать. Одно из немногих преимуществ, появлявшихся у чистильщиков после посвящения: ни одно плетение, затрагивающее разум, на них не действовало. Ни контроль, ни отведение глаз, ни снотворное.

Глаза парня изумленно расширились, но растерялся он ненадолго. Рванул наперерез той группе мужиков, едва проскочив, плетением толкнул троих прямо на Альмода. И попытался затеряться в толпе.

Альмод бежать не стал. Шагнул в сторону, собрал нити, не обращая внимания на матерящихся людей. Эрик застыл, увязнув в густом, точно студень, воздухе. Дернулся раз, другой, обмяк. Мужики, разглядев знак чистильщика, убрались прочь. Альмод не удержался от соблазна: сгустил воздух и вокруг головы, чтобы ни вдохнуть, ни выдохнуть. Пацан снова задергался. Попытался разорвать плетения, но Альмод перехватил. Помедлил, прежде чем распустить. Не слишком долго, не так, чтобы Эрик успел задохнуться всерьез. Просто чтобы запомнил, кто держит в кулаке его жизнь.

Нити распустились. Пацан пошатнулся, хватая ртом воздух. Не свалился. Неплохо. Альмод крепко взял его под ло-

коть, широко улыбнулся. Посмотрел в глаза:

– Еще раз попытаешься сбежать – найду и убью.

Пацан взгляд прятать не стал. Хороший взгляд, ненависть в нем плескалась, не страх. Может, и выйдет толк.

Девчонка оказалась пустышкой. Что вчера, что сегодня... Может, она и хорошая ученица, но в жизни все равно дура дурой. Жаль, много лет они проходили двое на двое. Ингрид, конечно, свой парень, но все же и ей надо порой отвести душу, поговорив о девичьем.

Он повлек Эрика за собой. Тот дернулся:

– Пусти! Сам пойду!

Альмод разжал руку. Если что, успеет поймать. Но парень молча пошел рядом.

А может, оно, наоборот, к лучшему. Фроди еще не успокоился после гибели Уны. Видеть на ее месте девчонку ему было бы тяжело. Впрочем, какая разница, кто займет ее место, пацан или девчонка? Уны больше нет, и пусть Творец примет ее душу, как до того – душу Сольвейг. И отходить Фроди будет еще долго. Говорил же ему Альмод: не привязывайся. Хотя когда и кому удавалось по-настоящему справиться с сердцем?

– Эрик! – закричали сзади. – Господин чистильщик! Подождите!

Пацан оглянулся.

– Йоран! – расплылся он в улыбке.

Альмод тоже остановился:

– Надеюсь, этот не будет проситься на твоё место?

Паренька, что подбежал, тяжело дыша, он видел на курсе Стейна. Дар слабенький, но плетёт чисто. С мечом лучше многих сверстников, но ничего особенного.

Колкости чистильщика не заметил ни один из мальчишек.

– Успел, – выдохнул тот, второй. Застыл, явно не зная, что сказать.

Эрик улыбнулся:

– Хорошо, что успел.

Врет. По глазам видно – хочет завывать в голос. И тоже не знает, что сказать. Наверняка собирались после экзаменов устроить попойку, чтобы проститься как следует. Спьяну клясться друг другу в вечной дружбе, утром разъехаться с тяжёлыми головами. Даже писали бы друг другу первое время, пока не заглохло все само собой. Так было бы понятно и просто, а сейчас – не пойми что.

– Быстро слухи расходятся, – произнес Эрик.

– А ты как думал? Весь университет гудит, как ты срезал... – Второй осекся, быстро глянув на Альмода. Он усмехнулся. Мальчишка сглотнул, отводя глаза. Хлопнул Эрика по плечу. – Ты пиши, ладно?

– Куда?

– Ах да! Я же ещё не решил, к кому из троих... Тогда я буду писать.

– В столицу, в ставку чистильщиков, – вмешался Альмод. – На любой почтовой станции знают.

Еще бы не знали: почтовую службу держат сами чистильщики.

– Ага, в общем... Не пропадай там.

– Не пропаду, – снова улыбнулся Эрик. – А ты напиши, как сдал и к кому все же решил пойти.

– Ага. Это...

Альмод видел, что мешает им. Можно, наверное, отвернуться: все равно, даже если захотят, далеко не убегут. Но не стоит провоцировать пацана снова испытывать терпение командира.

– В общем, не пропадай, – закончил второй.

– И ты тоже. Удачи завтра.

– Иди к демонам!

Чистильщик мысленно усмехнулся. Ничего не изменилось за десять лет: все те же школярские суеверия. Лицо Эрика дернулось, словно он на миг не совладал с эмоциями.

– На демона я, пожалуй, не тяну, – сказал Альмод. – Но нам пора.

– Ага.

Эрик порывисто обнял приятеля и тут же отшатнулся, явно смутившись. Сопляки. Альмод двинулся прочь не оглядываясь. Пацан зашагал следом. Надо бы привыкать, что теперь он не пацан, а четвертый.

Нет, врать себе – последнее дело. Не детишки виноваты в его дурном настроении. Никогда нельзя возвращаться туда, где ты был по-настоящему счастлив. А в Солнечном он был

счастлив. Острый ум обеспечивал ему любовь преподавателей и поблажки. Деньги отца и щедрость, с которой Альмодими разбрасывался, – положение среди остальных. Он прекрасно сознавал, что иссякни поток серебра – половина приятелей от него отвернутся, но это не имело значения. Мало радости в симпатии глупцов, хотя и из нее можно извлечь пользу. Важны были те немногие, кого он по-настоящему ценил. Только он потерял их след, когда оказался в карцере чистильщиков. Для всего мира он тогда умер, и воскресать не стоило.

А ведь ему прочили место на кафедре. Соглашаться Альмод не собирался, не хватало еще всю жизнь возиться с бес-толочами. Сейчас у него была возможность обходиться с дураками так, как те того заслуживали, – еще одна привилегия, которая почти примиряла его с нынешней жизнью. А тогда он намеревался послать к демонам кафедру и диссертацию.

Он собирался домой. Пусть он не мог наследовать, хотя отец когда-то и усыновил его по всем правилам, но все еще мог стать верным помощником. Поэтому усердно учился. Чтобы не подвести, чтобы отец мог положиться на него во всем. И зря тот отказывался жениться, Альмод понял бы его и с ревностью как-нибудь справился бы. Но вышло так, как вышло.

– У тебя кто-то есть? – спросил он.

Эрик глянул недоуменно: дескать, сам не видел?

– Родители, братья-сестры? – уточнил Альмод.

– Нет.

– Хорошо.

Никогда нельзя возвращаться туда, где ты совершил величайшую в жизни ошибку. Если бы не слезливое, полное отчаяния и сожаления письмо, отправленное в последний вечер со станции, не было бы того сердечного приступа. Но сожалениями ничего не вернешь. Точно так же, как извинениями. Альмод в который раз запретил себе думать об этом.

Зря он сюда приехал.

Он привел четвертого на станцию: для своих там всегда находились комнаты. Просторные, с нормальной постелью для каждого. Даже оставалось свободное место по центру, карту расстелить, если что. И чистые. Не чета обычным постоялым дворам, где гостей, точно селедку в бочки, распикивали по комнатам, в каждой из которых кроватью, одной на всех, служил широкий настил с брошенным поверх тюфяком. Клопы, тараканы... Альмод про себя передернулся, вспомнив, как однажды выудил таракана из похлебки. Хозяин получил по заслугам, конечно, но ощущение гадливости все равно осталось. На почтовых станциях подобного не бывало и быть не могло, если кто-то из гостей случайно завозил, мгновенно вытравливали.

Ингрид подняла голову на звук открывшейся двери. Улыбнулась, оглядев пацана. Тот коротко поклонился. Так и подобает приветствовать тех, с кем встречался, но кому не был представлен. Сразу видно, кто наставник: Лейв и из

неотесанной деревенщины делал знатоков этикета. Ингрид ответила поклоном и села на кровать, где была разложена игральная доска. Походная, маленькая, фигурки со штырьками, которые втыкали в отверстия в клетках.

Надо же как-то коротать время в дороге. В «загони льва» неплохо играли все одаренные. На второй-третий год в университете большинство школяров обнаруживали, что в кости резаться уже не получается, потому что из испытания удачи игра превращается в стычку на плетениях. Довольно скоро отпадали и карты: натренированному учением уму слишком легко становилось держать в памяти вышедшие из игры картинки и просчитывать расклад. Так что карточная игра в университете считалась уделом недоумков. Признать себя недоумком не хотел никто.

На доске тоже можно было жульничать, передвинув или спрятав фигуру, и первогодки нередко пытались. Но такие штучки прекращались сами собой, когда школяры учились держать партию в голове. Происходило это довольно быстро, все равно вечерами особо нечем заняться, не все ж за книгами сидеть. К концу учения те, кто побогаче, имели собственные доски.

Эта досталась Альмоду от предыдущего отряда, когда он оказался единственным выжившим после прорыва. Впрочем, не досталась бы, сам бы купил своим что-то подобное. Неслыханное расточительство по меркам нормальных людей: фигурки из моржового клыка, тончайшая резьба, так

что штырьки входят в отверстия идеально, не слишком туго и не слишком расхлябанно, клетки на доске – инкрустация тем же моржовым клыком и черненым серебром. Но он был совершенно искренен сегодня, говоря, что деньги не возьмешь с собой к престолу Творца. Наследников ни у кого из чистильщиков не было, да и быть не могло, так что только и оставалось, что сорить серебром.

Фроди на миг поднял голову, глянул на их нового четвертого и снова уставился на доску. Позиция в игре выглядела равной, так что дело было явно не в том, что он не хотел отрываться от напряженной партии. Впрочем, Альмод ничего другого и не ожидал.

Что Уна не жилец, было ясно с самого начала: тварь прошла между ребрами, как на грех, не задев ничего жизненно важного. Альмод, не привыкший врать своим, предложил остановить сердце. Быстро, чисто и безболезненно. Уна отказалась. Сказала, что Творец никогда не посылает испытаний свыше тех, что мы в состоянии перенести, и самоубийство – великий грех, даже если выполнено чужими руками.

Альмод давно не верил ни в Творца, ни в Насмешника, но спорить не стал. Неделю она выхаркивала омертвевшие легкие. Неделю Фроди не отходил от ее постели, порой так и засыпал сидя, не выпуская руки.

К четвертым всегда приходилось притираться, и каждый раз казалось, что новенький никогда не сумеет заменить того, на чье место пришел. Альмоду везло: такое случалось

нечасто. Хотя, кто знает, может, привык бы уже, и не саднило бы так внутри.

А вот пацан явно холодной встречи не ожидал, вон как лицо вытянулось. Что ж, придется привыкать, что он теперь не первый ученик, любимчик наставников, а просто сопляк, который толком ничего не умеет. Которому еще предстоит показать, чего он стоит.

Или умереть.

– Это Эрик, наш четвертый, – сказал Альмод. – А это – Фроди, второй, и Ингрид, третья. – Глянул на доску – пожалуй, даже запоминать партию не стоит, только начали. – Сворачивайтесь. Лошадей готовят.

Пацана надо отвезти в ставку, до посвящения от него будет мало толка. Альмод предпочел бы пройти между мирами, а не трястись на перекладных девять дней. Но незачем напрасно искушать судьбу: каждый переход – игра в орлянку со смертью, удержишь плетение или нет. Был бы он один, рискнул бы. Но он был не один.

Фроди развернулся, потягиваясь, и снова оглядел Эрика:

– Запал тебе этот мальчишка.

– Видел бы ты, как его отстаивал Лейв! – ухмыльнулся Альмод.

– Это называется «отстаивал»?! – не удержался пацан.

А может, парень его раздражает только потому, что наставник пытался его удержать? Он завидует? Этому сопляку? Только потому, что человек, которого он десять лет не

видел и не увидит еще столько же, всерьез хотел его защитить, тогда как самого Альмода отдал беспрекословно?

Глупости какие.

– Когда забирали меня, он не сказал ни слова. Может, еще через десять лет...

Альмод осекся: на шее ожил амулет.

Этого не могло быть. Он сам посылал голубя с первой же станции, до которой они добрались после гибели Уны. В ставке должны были знать, что у них нет четвертого. Это должны были знать все пророки. Никто не отправит на прорыв неполный отряд. Голубь не долетел? Но и тогда их не полагалось трогать, пока не вернутся в ставку и не отдохнут, людей хватало. Бдящий пророк ошибся? Такое случается. Впрочем, не все ли равно почему. Выбора-то нет. Альмод потянул из-за ворота цепочку.

Фроди грязно выругался. Ингрид, слетев с кровати, сунулась за картами. Пацан, раскрыв рот, смотрел, как из торбы, такой же, что принес ему Альмод, появляется папка из жесткой кожи, как разворачивается на полу карта. За такую любой купец отдал бы целое состояние, некоторые даже нанимали убийц – разумеется, безуспешно.

Альмод опустил на карту кольцо амулета, и оно стремительно поползло к окрестностям Кленовых лесов. Лицо четвертого стало сосредоточенным: явно пытался разобраться в плетении. Благо, рта не раскрывал – за неуместные сейчас вопросы мог бы и огрести. Потом как-нибудь, в спокойном

месте, стоит показать, если сам к тому времени не разберется. Этот может.

Амулет остановился, Ингрид вытащила карту провинции, крупную и подробную, амулет снова пополз, серебряное кольцо очертило окрестности Лиственя. Альмод подхватил его плетением, сжал в кулаке, полуприкрыв веки. Перед глазами сами собой появились поля, еще черные по этому времени, лес в паре перестрелов, деревня у горизонта. И ориентиры для перехода.

– Все, – сказал он, возвращая амулет на шею. – Погнали!

– Ерунда какая-то. – Ингрид сложила карты в сумку. – Нас трое.

Альмод пожал плечами:

– Нас четверо.

Много ли толка будет от четвертого, не прошедшего посвящение? Силен, плетет быстро и чисто, хорошая реакция... для того, кто только-только получил перстень. Но, если бы третьего дня они схватились всерьез, от пацана осталось бы мокрое место прежде, чем он успел бы сообразить, что вообще происходит. Потому что посвящение раскрывает истинные возможности разума и тела.

Командир подхватил сумку. В конце концов, вовсе не обязательно этот прорыв будет серьезным. Альмод привык доверять чутью, а то прямо-таки орет дурным голосом. Но вдруг он беспокоится лишь потому, что пока совершенно не может положиться на четвертого?

Фроди глянул быстро и остро, но промолчал. Альмод изобразил на лице всю уверенность, на которую был способен. Что бы ни происходило вокруг, сомнения командира не должен видеть никто. А выбирать все равно не приходится. Прорыв вот-вот раскроется, и сдерживать его им. Позвать помощь можно только одним способом, и Альмод предпочел бы оттянуть момент, когда придется его использовать. Хорошо бы вообще никогда не пришлось.

Пацан вопросов задавать не стал, закинул сумку за плечо, двинулся за остальными.

По лестнице спускались почти бегом да и потом не мешкали. Фроди досадливо оглядывался – четвертый то и дело срывался на бег и все равно едва поспевал. Альмод сам едва сдерживал раздражение, хотя прекрасно понимал, что парень не виноват. Чистильщикам приходилось ходить много и долго, а школяры выбирались из ворот университета не дальше поселка. Да и зачем, собственно? И все же сейчас все это было очень некстати.

Отойдя от городской стены на добрую сотню ярдов, Альмод огляделся. Дорога почти пуста, стража у ворот стоит, если что. Можно.

Остальные уже привычно отступили, настороженно замерев. Ингрид дернула пацана, чтобы не мешкал, тот повиновался безмолвно. Соображает, когда не стоит лезть под руку с вопросами. Может, и выйдет толк.

– Смотри и запоминай, – сказал Альмод. – Молча. Спра-

шивать будешь, когда я разрешу.

И начал плести проход.

Эрик мысленно пожал плечами. Молча так молча. По правде говоря, он вообще не слишком понимал, о чем с ними всеми говорить. Но, когда чистильщик начал плести, едва не забыл о запрете. И этот человек утверждал, что дипломное плетение против правил?! Да то, что творил он сам, вообще не укладывалось ни в какие законы и правила! В следующий миг Эрик узнал часть плетения и едва не рассмеялся вслух.

Что-то подобное шепотом передавали друг другу школяры младших курсов, утверждая, что так можно вызвать демона. Ни у кого ни разу не получилось, а через пару лет и в демонов уже никто не верил. Конечно, то, что сейчас создавал Альмод, походило на страшные школярские тайны не больше, чем парадный портрет кисти придворного художника – на детский рисунок из кружочков и палочек, но как в детских каракулях безошибочно угадывается голова, туловище и конечности, так и здесь...

Интересно, что было раньше: школяры в своей наивной вере в демонов и другие миры нащупали что-то, что потом доработали знающие и опытные, или кто-то случайно углядел не предназначенное для его глаз, а потом, передаваясь из уст в уста, плетение и вовсе потеряло смысл?

Школярские легенды говорили, что демоны приходят из другого мира и в плетение нужно заложить его приметы.

Здесь же... Эрик руку бы дал на отсечение, что чистильщик вплел привязку к какому-то конкретному месту на земле. Что там было на карте? На зрительную память он никогда не жаловался. И если пересчитать пропорции, соизмеряя расстояние на карте с предполагаемой реальностью... В другое время он бы завопил в голос от восторга, поняв, что происходит. Или он ошибся? То, что получилось, вовсе не походило на призрачный мост, или как там должен выглядеть путь, в сотни раз сокращающий расстояние.

Над самой землей повисло здоровенное черное облако со странно четкими краями, от одного взгляда на которое почему-то поднялись дыбом волосы на затылке. Он попятился, успев заметить, что и чистильщики настороженно отступили на пару шагов. Альмод с полминуты напряженно вглядывался – или вслушивался? – в то, что получилось. Потом в его поднятой ладони соткалось нечто напоминающее мяч... или клубок? Чистильщик подкинул это вверх. Предмет завис на миг, а потом исчез в облаке, оставив снаружи что-то похожее на конец золотистой шелковой ленты.

– Ингрид, вперед. Эрик – идешь за ней в трех шагах, и упаси тебя Творец отойти от ленты дальше чем на шаг. Фроди, я последний.

Ингрид шагнула в облако и исчезла. Не так, как бывает в тумане, когда очертания постепенно расплываются, пока не станут совсем неразличимыми, а словно за спиной закрылась дверь.

– Давай! – сказал Альмод.

Эрик выдохнул короткую молитву, шагнул в черноту и едва удержался на ногах. На миг ему показалось, что небо и земля поменялись местами, желудок подскочил к горлу и затрепыхался, не желая устраиваться обратно. Он сглотнул горькую желчь и огляделся.

Все вокруг было неправильным. Красная земля. Черное небо. Синее мохнатое солнце, раскинувшее в стороны извивающиеся щупальца.

– Что застыл, шевелись! – ошутимо толкнул в спину Фроди.

Лента лежала на красной земле золотой полосой, прямой, как натянутая струна. Эрик послушно зашагал следом за Ингрид, размышляя, что если и вправду существуют подобные места, то в них самое место демонам. И в следующий миг понял, что накаркал. Откуда-то со стороны солнца – поначалу ему показалось, что это оторвался злой луч, расщепившись на щупальца, – беззвучно ринулось нечто. Эрик, вскрикнув, инстинктивно рванулся в сторону. Что-то вцепилось в плечо – сильно и жестко, сколько ни дергайся, не вырвешься.

– Сказано было: от ленты ни на шаг!.. – прошипело из-за спины. – Память девичья, башковитый?!

– Сам ты!.. – огрызнулся Эрик, вырывая руку.

Нечто стремительно отлетело обратно, будто стукнувшись о преграду в полуярде над головами. Остановилось, снова рванулось к ним, расплескало щупальца по чему-то невиди-

мому.

Охнул Альмод. Эрик оглянулся: командир замер, скрючившись, сжимая виски. Но тут же выпрямился.

– Вперед, быстро!

Ингрид рванула по ленте туда, где, если хорошо взглядеться, можно было увидеть что-то напоминающее облако.

Эрик замешкался.

– Тебе отдельное приглашение надо? – ехидно поинтересовался Альмод. Он снова поморщился. – Вперед и бегом, ну!

И, похоже, «бегом» и в самом деле означало бегом, потому что за спиной ровно и часто топали башмаки Фроди, подгоняя, и Эрик неся так, словно за ним гнались разом все демоны из его детских страхов. Он сам не понял, как небо снова стало синим, а под ногами оказалась зеленая трава.

Трава? В окрестностях университета едва истаивал снег. Эрик не додумал эту мысль, сложился вдвое, пытаясь отдышаться. Фроди отдернул его в сторону, оттаскивая от прохода, из которого выступил Альмод, на ходу сбрасывая – не распуская – плетение. Нити рассыпались. Командир ухмыльнулся:

– Удержал.

Смахнул кровь из-под носа, растер – между пальцами полыхнуло пламя.

– А что... – начал было Эрик.

– Сдохли бы, если б не удержал, – сказал Фроди.

– Однозначно. Небо было черное, – непонятно добавил Альмод.

Эрик хотел было спросить, что это значит, и что за странное чудище это было, и почему они все так уверены, что это был бы конец, ведь если все, кто не удерживал плетение под черным небом, однозначно мертвы, то кто мог об этом рассказать? И много что еще. Но тут Альмод снова выпрямился, чуть склонив набок голову, словно к чему-то прислушиваясь, а рядом так же замерла Ингрид.

Эрик и сам успел – не услышать, скорее почувствовать – что-то странное, словно трещала сама ткань бытия, прежде чем его толкнули, сбивая с ног. Он отлетел на добрых два ярда, удар о землю вышиб из легких воздух, в голове зазвенело. Откуда-то, будто издалека, донесся крик, прорвался сквозь звон в ушах. Эрик вскочил. Рядом корчился и кричал Фроди, а на спине у него расползлось...

Это походило на пчелиный рой, или на муравейник, или на термитов, про которых писали путешественники, только у этих – штук? существ? – не было ни голов, ни ног... да вовсе не было ничего похожего на органы. Словно какой-то шутник просунул в дыру мира устье огромного мешка, заполненного каплями и бусинами дымчатого стекла, и начал высыпать их, предварительно швырнув пару пригоршней на человека.

И там, где они коснулись тела, рассыпалась трухой одежда, исчезала плоть.

Альмод, не касаясь, отшвырнул Фроди в сторону, переворачивая на живот, и пустил с ладони поток слепяще-желтого огня. Эрика едва не вывернуло от запаха паленого мяса, а Фроди закричал еще громче и отчаяннее. Пламя исчезло. Фроди вскинулся на четвереньки, снова распластался по земле, не переставая кричать. Альмод яростно выругался, и в начатом плетении Эрик узнал свое дипломное. Только у него получалось через два раза на третий, а чистильщик работал быстро и уверенно. Но зачем?

– Я не удержу одна! – крикнула Ингрид.

Эрик оглянулся.

Капли, или насекомые, или чем там на самом деле были эти тусветные твари, все сыпались и сыпались, но не отскакивали от земли, а будто прилипали к ней, раскатываясь в стороны, и там, где только что росла трава, уже не осталось ничего даже похожего на зелень. Но разглядеть получше Эрик не мог, потому что Ингрид плела барьер, и твари уже не капились, а натыкались на него и собирались сперва горкой, потом – словно наполняя огромный невидимый стакан.

– Что делать? – спросил он.

– Жги!

Пламя бессильно скользнуло и рассыпалось.

– Горячей!

Эрик прокусил губу до крови. Внутри столба, очерченно-го Ингрид, полыхнуло изжелта-белым.

– Так?

– Да. Теперь держи!

Он кивнул, понимая, что надолго его не хватит. Дар Даром, способности способностями, но ничто не дается просто так.

Ингрид шмыгнула носом, втягивая красную каплю.

– Альмод! Все ляжем!

– Готово.

Чистильщик выпрямился, шагнул ближе, и Эрик снова узнал свое плетение. Только теперь это походило на мельчайшее сито, подставленное как раз под «устьем», из которого все сыпались и сыпались твари.

– Ингрид, можешь отпускать.

– Но...

– Подхвачу, если что. Мне любопытно, – улынулся Альмод.

Эрик не раз видел подобное выражение лица у профессоров, собиравшихся показать школярам интересный эксперимент.

– Нашел время, твою мать!

Он снова ухмыльнулся:

– Как еще проверить, не попробовав? Отпускай. Эрик, ты тоже.

Пламя погасло. Столб дохлых тварей осыпался со стеклянным звоном. Ничего не произошло. Только падали и осыпались новые капли, ведя себя как совершенно обычная стеклянная дробь, круглая и безвредная.

– Охренеть... – выдохнула Ингрид, оседая наземь.

– Ага, – согласился Альмод. – Вот тебе и нет практического применения.

– Так они в самом деле живые? – поинтересовался Эрик.

Ни за что бы не поверил. Но плетение действовало на эти... штуки? тварей?... как на любое живое существо: когда распад берет верх над созиданием, приходит смерть.

– Не просто живые. Разумные. Если дать им этот разум проявить.

Ингрид передернулась:

– Не накаркай.

– Не в этот раз точно, – пожал плечами Альмод. – Эрик, подхватишь? Твое плетение, в конце концов.

Эрик кивнул, сосредоточился. Хоть бы с первого раза получилось, еще не хватало опозориться перед этими.

– Да ладно?! – удивилась Ингрид.

Альмод кивнул.

– Любимчик Лейва, значит... – протянула она.

– Хватит! – не выдержал Эрик. – Я не виноват, что у меня есть мозги!

Плетение, конечно же, сорвалось. Он ругнулся, начал сначала.

– Ингрид, присмотри за Фроди, – сказал Альмод. – Мы вдвоем разберемся.

Твари сыпались. И сыпались.

– Как долго это длится обычно? – спросил Эрик.

– По-разному. Когда пару минут. Когда час. Однажды – сутки, и мы уже думали, что не удержим.

– А как узнать?

– Никак. – Альмод помолчал. – Держать это куда проще, чем огонь. Знать бы раньше...

Он дернул щекой, словно вспомнив что-то неприятное. Эрик любопытствовать не стал. Так и молчали, пока что-то неуловимое в мироздании снова не изменилось и поток не иссяк.

Альмод удовлетворенно кивнул:

– Ингрид, давай к старосте. Кроме платы пусть выделит избу и пришлет кого-нибудь с носилками.

Эрик огляделся: черные поля, лес примерно в полулиге. Дома у горизонта. Надо же... Впрочем, он слышал, что прорывы всегда бывают недалеко от жилых мест. Словно тварям мало силы самого мира, подавай силу разумных.

Девушка помедлила:

– Нас не должны были звать, пока не привели четвертого.

– Да. – В голосе Альмоды прозвучало раздражение, словно она говорила о чем-то очевидном. – Узнаю, кто пророчил, – голову откручу.

– Если не случайная ошибка.

– Это я тоже узнаю. Иди, сейчас все равно ничего не исправить.

Девушка, кивнув, направилась к деревне.

– А ты давай сюда, кое-что покажу.

Альмод снова опустился рядом с Фроди, Эрик присел рядом. Оказывается, тот был не только жив, но и в сознании. Прощедил сквозь стиснутые зубы:

– Подопытную крыску нашел?

– А как же.

На то, что осталось от спины, смотреть было жутко – алое, сочащееся сукровицей месиво, темно-багровые струпья, кость... «Край лопатки», – определил Эрик, прежде чем успел ужаснуться. Нельзя же смотреть на живого человека как на экспонат анатомического театра?..

Или можно? Лицо и голос Альмода были абсолютно спокойными.

– Вот здесь, здесь и здесь, – показал он. – Не успел сжечь, твари ушли в ткани.

Эрик кивнул. Узкие глубокие раны, словно оставленные стилетом. «Нет, – поправил он себя, – от стилета рана похожит на щель, а здесь словно проткнули металлическим прутком, смазанным чем-то едким, вроде крепкого купоросного масла». Струп вокруг раны был замечен, даже несмотря на ожоги и алую сукровицу.

Творец милосердный, о чем он вообще?!

– Попадая в живое, тварь начинает делиться. Примерно раз в полминуты...

Через минуту – четыре, прикинул Эрик. Через пять – больше тысячи.

– ...естественно, выжирая все, чего касается. – Альмод

помолчал, явно подбирая слова. – На самом деле не столько выжирая, сколько высасывая, тварям нужна не плоть, а жизнь. Но по большому счету разница интересна только ученым ордена, там, в столице.

– А если ограничить, как... – Эрик мотнул головой в сторону груды безжизненных тварей. – И вытащить?

И тут же подумал: «Неминуемо прихватив окружающие тварь ткани и оставив рваные раны. Но если альтернатива – дать сожрать человека заживо... Кстати, почему тогда Фроди до сих пор жив? Прошло явно больше пяти минут. Сколько, кстати? Четверть часа?» Ответа не было. Казалось, минула вечность.

– Да, обычно так и делают, если успевают.

...Полминуты – это много. Обычно. А когда твари сыплются с неба? Или – Эрик слышал и о таком – вырываются из земли чудовищным ключом? Он поежился: одно дело – слышать от чистильщика «могу отправиться к Творцу в любой момент», другое – осознать, как именно это произойдет, и не с почти незнакомым человеком, а с тобой. Когда-нибудь.

А сколько вообще живут чистильщики? И почему Фроди не сожрали? Что делал Альмод, пока они с Ингрид удерживали тварей? При чем тут его дипломное плетение?

– Но просто извлечь почти всегда недостаточно, – продолжал командир. – Потому что омертвление, которое вызывают твари, от этого замедляется, но не останавливается. Оно вообще не останавливается, никаким плетением – или никто

пока просто не узнал, как это остановить.

Эрик перевел взгляд с искаженного болью лица Фроди на спокойное Альмода. Что надо иметь – или чего не иметь – в душе, чтобы при еще живом человеке подробно и хладнокровно рассказывать, как тот будет умирать?

– Иссечь в пределах здоровых тканей тоже не помогает? – спросил он.

Это урок. Просто урок. Как в университете. И если уж Фроди не кричит от страха, то ему и подавно нельзя. А что внутренности смерзлись в ледяной ком и не хватает дыхания – так это пройдет.

– Да, иссечь помогает, когда есть возможность. Но она не всегда есть.

И в самом деле, грудную клетку не вскрыть, в мозг не залезть, и это только то, что приходит на ум в первую очередь.

– Уна продержалась неделю, – сказал Фроди. – Пока омертвление не дошло до сердца.

Альмод словно не услышал.

– ...как вот здесь, смотри.

Эрик мысленно присвистнул. Отверстие уходило между двух ребер прямым в печень. Конечно, любой целитель остановит кровотечение, не дав человеку умереть на месте, – как это, похоже, сделал Альмод. Но... Как ни старался Эрик, он не мог увидеть ничего необратимого. Да, небольшая зона омертвления вдоль раневого канала, но, если не допустить заражения, заживет даже без помощи целителя, а если помочь

– дня через три на ноги встанет.

Иссечь в пределах здоровых тканей. А если... выжечь... высушить?.. Эрик пока не мог подобрать точного слова. Словом, уничтожить окончательно, чтобы омертвление перестало распространяться. А до того – не остановить тварь грубой силой, а просто лишить жизни или того ее подобия, что в ней есть, и извлечь спокойно и не торопясь, как любое инородное тело. Что, похоже, и проделал командир. Вот почему дипломное плетение. Но...

– Невозможно плести с такой точностью!

– Возможно, как видишь, – Альмод ухмыльнулся. – Очень удачно я попал на твою защиту.

Эрик выпрямился. Где-то внутри черным клубком свернулась зависть: это была его идея, его шедевр, а какой-то чистильщик просто взял и... И довел идею до ума, действуя с такой легкостью, словно работал с этим плетением не первый год.

И, похоже, спас жизнь Фроди. Те раны, что остались, были серьезными, но не смертельными. Вот так, совершенно буднично. Удачно попал на защиту...

Альмод поднял с травы бусину твари, превратившуюся из серой в дымчато-алую, и вложил в руку Фроди:

– Держи на память. Опрaviшь в золото – красивая штука выйдет.

– Дороговата безделушка получилась, – хмыкнул тот. Сжал кулак. – Если бы ты знал это плетение десять дней на-

зад, Уна была бы жива.

– Да. Но я его не знал.

– Ты собирался стать целителем, – догадался Эрик. – Но ведь профессор Лейв...

– Я очень удивился, обнаружив, что он начал готовить практиков. С другой стороны, ученику так проще пристроиться. Живешь в доме какого-нибудь благородного, лечишь его матушке мигрени, а батюшке – подагру, хозяину варишь самогон, от которого не бывает похмелья, попутно наставляешь рога и в ус не дуешь. Не забывай только десятину университету платить.

Эрик невольно усмехнулся. Да, для кого-то идеальная жизнь.

– Но в мое время он натаскивал целителей, – добавил Альмод.

Он снова нагнулся, подхватил еще одну бусину дохлой твари – теперь серую. Сунул в кошель. Фроди усмехнулся и прикрыл глаза.

– Не бери в голову, – сказал командир. – Это не для нового четвертого. Просто я обещал Лейву образчик.

Фроди долго смотрел на него снизу вверх. Наконец медленно произнес:

– До сих пор ты мне не врал.

– И сейчас не вру.

– Дурная примета – подбирать тварь для образца раньше времени.

— Для образца. Но не для подарка старому знакомому. Одному Творцу ведомо, когда нас занесет в Солнечный в следующий раз, вот и все. — Альмод достал нож и начал срезать с Фроди остатки рубахи. Глянул на Эрика. — Чего стоишь столбом? Если силы есть — займись, только не увлекайся, за раз мы это и вдвоем не затянем.

Сил после всего происшедшего оставалось не так уж много, но Эрик опустился на колени рядом. И замер, заметив грубый шрам кольцом вокруг шеи Фроди. Перевел взгляд на запястье, с которого как раз сполз рукав. Растерянно посмотрел на Альмоды. Тот продолжал свое дело как ни в чем не бывало и, если и заметил заминку, никак не дал это понять. И то правда — едва ли командир не знал, что под его началом ходит беглый каторжник.

Творец милосердный, куда он попал?!

Эрик стиснул зубы. Как бы то ни было, сейчас перед ним ожоги второй-четвертой степени на большой площади и три глубокие раны с повреждением внутренних органов. Только это на самом деле имеет значение.

– Почему чистильщики не носят броню? – спросил Эрик, когда они шли к деревне.

Если бы твари высыпались на металл, их можно было бы просто стряхнуть, и Фроди остался бы цел... или ранен далеко не так серьезно.

– Почему одаренные вообще не носят броню? – ответил Альмод вопросом на вопрос.

– Носят, – сказала Ингрид. – Королевские гвардейцы, та дюжина, что стоит рядом с тронном во время королевских аудиенций. И прочих церемоний.

– И кого эти доспехи должны защищать на самом деле?

Она кивнула:

– Да, их задача – сомкнуть ряды и вывести его величество. Любой ценой.

– А еще красиво, наверное, – ухмыльнулся Альмод. – Позолота, камни...

Ингрид тоже усмехнулась, вслух ничего не сказав.

Действительно... Эрик всегда считал это само собой разумеющимся – одаренным не нужны доспехи. Хотя, если подумать, большинство приемов меча метило в лицо или горло. То есть явно рассчитывалось на облитого кольчугой или затянутого в бригадину противника. Но, может быть, потому что их переняли у пустых? Сами-то одаренные предпо-

читали отнюдь не сталь. Потому что пустого можно остановить на расстоянии, а от плетений ни один доспех не поможет? Нет, тогда и мечи не нужны. Их ведь затем и носят, чтобы не оказаться беззащитным, когда кончатся силы плести. И Стейн учил не только боевым приемам, но и чувствовать предел, успевать остановиться прежде, чем плетение начнет тянуть силы из тела, чтобы, взяв меч, не отмахиваться им, точно дубиной, потому что колени уже стали ватными, а в голове звенит...

– Каково плести в доспехах? – спросил Эрик.

Альмод широко улыбнулся. Ингрид покачала головой:

– Словно видишь мир через бычий пузырь, а в ушах вата. Не небесное железо, конечно...

Но и так ничего хорошего, похоже. Одаренные ведь видят плетения не глазами, да и плетут не руками, если уж на то пошло. Наверное, столько железа отгораживает не только от клинков или стрел, но и от чего-то, что связывает мир и Дар...

Он вытаращился на Ингрид, вдруг поняв, что, раз ей доводилось плести в доспехах, значит... Рот открыть не успел, Альмод сжал локоть и едва заметно качнул головой.

В ордене не принято расспрашивать о прошлой жизни? Мог бы и сам догадаться. Вряд ли кому-то приятно вспоминать о том, чего уже не вернуть.

– Но дело не только в плетении, – сказал Альмод. – Доспех не поможет. Сожрут.

– Я слышал, твари не жрут неживое.

– Да, – согласился Альмод. – В Озерном на улицах лежали вещи, остались стоять дома и сараи. Но только те, где не пытались спрятаться люди. На костяках, оставшихся снаружи, не было ни клочка ткани, ни пряжки. Твари прожрут любой камень, любую сталь, что угодно, лишь бы добраться до живого.

– Но как...

– Я не знаю, разумны ли они. Пути Творца неисповедимы. Но очень похоже, что разумны. Особенно когда успевают кого-то сожрать и собираются в тело.

– Это как?

– Сам увидишь. И молись, чтобы как можно позже.

Дом, куда их пустили, оказался просторным и чистым: беленая печь, яркие домотканые половики и даже кровать, застеленная лоскутным покрывалом. Роскошь, неслыханная для деревни. Хозяева вместе с детьми перебрались к родителям, оставив дом в распоряжение чистильщиков. Альмод велел уложить на кровать Фроди. Остальные растянулись на лавках: хотя до вечера было еще далеко, устали все.

В доме, где рос Эрик, тоже все спали на лавках, и, если бы не проснувшийся Дар, он никогда бы и не узнал, что бывает по-другому. Что ж, несколько ночей – не вся жизнь, перетерпит как-нибудь, хотя вспоминать то, что было до университета, не хочется. Впрочем, он и лиц родителей толком не помнит: так усердно старался забыть.

Эрик прикрыл глаза, кажется, лишь на миг, а когда открыл снова, солнце в окне почти ушло за крыши, а в избе одуряюще пахло вареной курицей. Он только сейчас сообразил, насколько голоден: перед защитой толком не поел, слишком волновался, а потом день понесся взбесившейся лошадью, и стало вообще не до того.

– Садись, – улыбнулась Ингрид, водружая на стол чугунок, в котором обнаружилось густое варево из курицы и пшена.

Альмод наполнил миску первым, но вместо того, чтобы начать есть, отошел к кровати. Тронул спавшего на животе раненого за запястье:

– Будешь?

Тот вскинулся, просыпаясь, охнул – резкое движение явно разбередило недолеченную спину. Кивнул.

Альмод опустился прямо на пол, пристроив миску на поднятое колено, взялся за ложку.

– Сам, – сказал Фроди, неловко сдвигаясь к краю постели. – Еще не хватало.

– Сам так сам, – не стал спорить командир.

Уходить, впрочем, не стал, так и держал миску, пока Фроди не вернул ложку.

За столом молчали. Альмод ел быстро и равнодушно, словно ему было совершенно все равно, что класть в рот. Ингрид поглядывала на него встревоженно, но ничего не спрашивала. Эрик и подавно помалкивал. Доев, поднялся из-за

стола, оставив на нем грязную посуду, как привык: в университете слуг хватает. Шагнул было к двери: зачем сидеть в четырех стенах, когда на улице самая настоящая весна? Он успел за зиму соскучиться по зеленой траве и яркому солнцу. Но странно, что купцы не ходят так из конца в конец мира. Да, опасно, но вряд ли опаснее, чем там, где спят в доспехах, не выпуская из рук оружия.

– Посуду помой! – окликнула его Ингрид. Эрик обернулся. Девушка двинула по столу стопку сложенных друг в друга мисок. – Бочка с водой в сенях, шайка там тоже есть, нагреешь как-нибудь сам.

– Я?! – изумился он. – Но...

Он хотел сказать, что никогда такого не делал. Видел в детстве, но когда это было.

– А кто еще? Мы с Альмодом готовили, значит, тебе мыть. Не Фроди же.

Эрик сильно сомневался, что Альмод снизошел до готовки. А вот в том, что на новичков всегда сваливают самую грязную и неприятную работу, был почти уверен.

– Заплатить какой-нибудь девке, за медяк вымоет.

– Здесь-то можно и заплатить. А как ты, интересно, будешь искать девок посреди леса в паре дней пути от жилья?

Эрик смутился. Ну да. Чистильщики за собой слуг не таскают. Привык на всем готовом...

– Если башковитый мальчик боится испачкать ручки, могу я помыть, – фыркнул Фроди, не поворачивая к ним голо-

вы. — Только надо, чтобы меня кто-нибудь подержал. Надорвется ж малой.

— Да уж, ты-то явно не боишься испачкать руки! — вспыхнул Эрик. — Наверняка в крови по локоть.

Фроди расхохотался:

— Ага, по плечи. В крови таких же башковитых сопляков. — Он повернул голову, зыркнул жуткими черными глазами. — И знаешь, не жалею.

— Хватит! — рявкнула Ингрид. Повернулась к Эрику. — Ты совсем дурак или прикидываешься, что ничего не понял?

— Что я должен был понять?

— Да то, что...

— Ингрид! — рыкнул Фроди. — Не надо.

— Но...

— Нет, я сказал!

Что Эрик должен был понять, кроме того, что Фроди он не понравился с самого начала? Где еще он сглупил, кроме этой проклятой посуды? Он оглядел остальных. Альмод наблюдал с непроницаемым лицом. Ингрид явно злилась. Фроди снова отвернулся, только пальцы комкали угол подушки.

— Что я должен был понять? — повторил Эрик.

— Значит, дурак, — заключила Ингрид.

Он схватил миски и вылетел из комнаты.

В сенях едва заметно пахло хлебом: как и везде в деревнях, зимой сюда пускали скотину, и, сколько ни стели соломы, сколько ни намывай, ни скобли доски, запах въедался

намертво. По стенам были развешаны серпы, косы, упряжь. Бочка с водой стояла у стены, над ней висел ковш, рядом на грубой табуретке стояла шайка.

Эрик с размаху ливанул туда воды, та выплеснулась, обожгла холодом сквозь рубашку. Он выругался вслух, длинно и грязно: услышь такое кто из профессоров, по головке бы не погладили. Но профессора далеко, а он – здесь, среди странных и страшных людей, и никуда теперь от них не деться. И эта, Ингрид, такая же, а ведь поначалу ему показалось, что она одна из всех смотрит на него если не доброжелательно, то хотя бы непредвзято. Про остальных и говорить нечего.

Он снова выругался: мокрая одежда липла к телу. Подогрел плетением воду до более-менее приемлемой температуры, бухнул в шайку посуду. Только сейчас он обратил внимание, что миски не из глины или дерева, чего стоило бы ожидать от деревенского дома, а оловянные, тонкостенные, с чеканкой по краям. Чистильщиков?

Впрочем, отмывать жирную посуду, наверное, одинаково противно, из чего бы она ни была сделана. «Незачем утруждать себя работой, с которой справится любой полудурок, голова на то и нужна, чтобы делать то, на что никто другой не способен. И получать за это звонкую монету». Кто же из профессоров это тогда сказал? Выходило, что Эрик даже до полудурка не дотягивает, потому что, когда вода начала обжигать пальцы, жир так толком и не отошел. Все же он кое-как справился.

– Перемывай, – сказала Ингрид, едва он появился в дверях, держа стопку посуды перед собой.

Эрик возмущенно уставился на нее:

– Ты даже не посмотрела!

Она ухмыльнулась и поставила в верхнюю миску туесок, обвязанный тканью поверх крышки.

– Щелок. И держи ветошь.

Ингрид водрузила сверху скомканную тряпицу.

– Ты издеваешься, да?!

Она пожала плечами:

– Если бы ты не вылетел как ошпаренный, дала бы сразу.

А так – сам виноват.

Эрик медленно, очень медленно закрыл за собой дверь в сени. И, уже не заботясь, услышит ли его кто и что скажет, заорал в голос, со всей дури запустил в стену проклятые миски – те покатались по полу, дребезжа.

Вроде и невелик повод, подумаешь, грязная посуда. Но слишком много всего случилось за день, и сил казаться спокойным больше не было. Он сполз спиной по двери, скрючился, уткнувшись лбом в колени.

В последний раз он так плакал десять лет назад, когда отец, подкинув на ладони увесистый кошелек, развернулся и исчез за дверью, а Эрик остался в огромном незнакомом месте среди чужих людей. Тогда чужая воля отобрала у него дом. Сейчас – Мару. Тогда все обернулось к лучшему. Сейчас у него не будет ничего, кроме опасных переходов между

мирами, захолюстя вроде этой деревни и иномирных тварей. Пока однажды он не ошибется, как Фроди сегодня. Говорят, Творец всегда управит человеческую жизнь к лучшему. Поверить в это не получалось. И, как десять лет назад, он рыдал и не мог остановиться, пока слезы не иссякли, сменившись гулкой пустотой внутри.

Он медленно, точно дряхлый старик, поднялся, тяжело опираясь о стену, и склонился, чтобы поднять посуду. Провел пальцами по вмятине на оловянном боку, отстраненно подумал: красивая была вещь, жалко. Плетение собралось само, возвращая миске прежнюю форму. Эрик усмехнулся. Если бы не Дар, он никогда не выбрался бы из деревни. Если бы не Дар, он никогда не оказался бы здесь.

Провести жизнь в тяжелой работе, потеряв к сорока годам половину зубов и обзаведясь грыжей, если раньше не сведет в могилу какая-нибудь хворь? Сдохнуть под чужим черным небом, если тот, кто их ведет, не удержит плетение, или пойти на корм тусветным тварям, которые и на тварей-то не похожи? Сегодняшним утром – Творец милосердный, всего лишь утром! – ему бы и в голову не пришла ни одна из этих возможностей. Будущее казалось не слишком ясным, но определенно захватывающим. Да уж, куда как захватывающе.

Взгляд против воли зацепился за блестящее лезвие ко-сы. Эрик медленно протянул руку, коснулся полотна. Опасная штука: неловкое движение, и всерьез покалечишься. Он

мрачно улыбнулся, отступая. Всегда есть третья возможность. Но не сейчас – если его хватятся до того, как будет поздно, он станет посмешищем. Значит, хватиться его не должны.

Он плеснул в лицо водой, стирая остатки слез. Никто не должен ничего заметить. И проклятые миски все же придется перемыть. Впрочем, со щелоком все оказалось куда проще. Эрик помедлил перед дверью, мысленно готовясь к очередным насмешкам. Но огрызаться не пришлось, Ингрид забрала у него посуду, спокойно поблагодарив. Положила перед ним чистое полотенце, миску и ложку.

– Это твое. Теперь твое, – поправилась она. – Прибери. Кружку потом дам.

Эрик кивнул, отстраненно подумав, что до него эти вещи, должно быть, принадлежали той самой Уне, о которой вспоминал Фроди. Да уж, если бы она осталась жива, было бы лучше для всех. Но ни одно плетение не могло развернуть время вспять.

Он устроился на лавке, прислонившись затылком к стене, бездумно глядя в пространство. Внутри по-прежнему было пусто. Оно и к лучшему.

Ингрид подсела к Фроди и провела ладонью по его волосам:

– Спишь?

– Скучаю. Мы там ничего нового почитать не купили?

– Кроме того, что ты уже прочитал? – улыбнулась она. –

Не успели.

– Жаль.

– У меня есть, – неожиданно для самого себя сказал Эрик.

– Перебуюсь! – отрезал Фроди.

Эрик пожал плечами. Можно подумать, ему не все равно.

– А мне дашь? – поинтересовался Альмод.

Эрик сунулся в торбу, протянул книгу. Командир раскрыл ее и расхохотался:

– Ну надо же, клеймо на первой странице! Примерный мальчик обокрал университетскую библиотеку!

Эрик снова пожал плечами. Да, именно так это и называлось – украл, что уж теперь врать самому себе. И совершенно зря, как оказалось. Занятно, сколько всего оказалось совершенно зря.

– В самом деле? – поднял голову Фроди. – Небезнадежен, значит?

– Более чем безнадежен. – Альмод пристально посмотрел на Эрика. Не дождавшись реакции, снова протянул книгу раненому. – Держи.

– Перебуюсь, я сказал.

– Тебе же хуже.

Он растянулся на лавке, подложив под голову свернутый плащ, и углубился в чтение. Ингрид помогла Фроди лечь удобнее, разложила на кровати игральную доску. Эрик тоже лег и закрыл глаза. Думал, придется долго ждать, считая, как минуты сливаются в часы, тем более что он успел подремать

до того, но провалился в сон, едва закрыв глаза. Все-таки это оказался очень длинный день.

Проснулся он резко, словно толкнули. Но в доме было темно и тихо, если не считать мерного дыхания спящих. Эрик уставился в потолок. В университетской спальне он разглядывал на потолке серебристые пятна лунного луча, складывая из них узоры, пока глаза не закрывались снова. Здесь окна были затянуты бычьим пузырем, и света оставалось едва достаточно, чтобы не наткнуться на лавки и стол.

Он медленно сел. Так просто: вынуть клин, что крепит лезвие к косовищу, потом одно движение, и больше ничего не будет. Ни странных миров, ни чудовищных тварей, ни людей, которым такая жизнь кажется нормальной и правильной. Но почему-то при одной мысли об этом живот скручивало холодом, а руки начинали трястись.

Одно движение – и не будет ни усталости, ни страха.

Не будет летнего дождя, когда вода падает стеной и хочется задрать лицо, подставляя его тугим теплым струям, и орать во всю глотку любимую песню, не обращая внимания на капли, летящие в рот. Не будет искрящегося на солнце снега, ветра в лицо и захватывающего дух ощущения скорости, когда санки несутся с горы. Не будет долгих весенних сумерек, одуряющего запаха черемухи и пения соловьев.

Нет уж! Эрик потянул из-под лавки сумку. «Найду и убью», – сказал Альмод. Пусть сперва попробует найти. Хотя... Та бусина, «чтобы не сбежал», сделанная из дохлой тва-

ри. Зачем это было? Чтобы не сбежал или чтобы не потерялся?

Эрик мотнул головой. Что ж, если найдет, и в самом деле... Пять минут назад он всерьез собирался умереть, так что терять нечего. По крайней мере, никто не скажет, что он сдался.

Дверь открылась, не скрипнув. Брехливый кабысдох высунул голову из будки и, смачно зевнув, залез обратно, загремел цепью, устраиваясь поудобнее. Хорошая штука – усыпляющее плетение. Эрик огляделся. Месяц, хоть и сиял, как ему положено, света почти не давал, второй луны вовсе не было, и во всей деревне не горело ни огонька. Пробираться в такой тьме за околицу – верный способ переломать себе ноги, свалившись в какую-нибудь канаву, а заодно перебудить всех окрестных псов, которые, в свою очередь, поднимут и чистильщиков.

А впрочем, зачем топать до околицы? Все спят, в проход никто не сунется, а следов это плетение не оставляет – по крайней мере, он ничего не заметил. Эрик прикрыл глаза, представляя карты: как хорошо, что он никогда не жаловался на память! Север приграничья, где ночь тянется несколько месяцев, море покрывают торосы величиной в дом и где никто не будет спрашивать, откуда и почему сбежал одаренный. Мог бы лечить переломы и раны да отгонять диких зверей, и ладно.

Затем, глядишь, прибьется к какому-нибудь купцу и во-

все на несколько лет исчезнет из страны. Пусть Альмод его поищет. Плохо только, что идти придется наугад. А ну как проход откроется над морем или где-нибудь в снегах в сотнях лиг от человеческого жилья? Он мотнул головой, отгоняя дурные мысли. Что будет, то будет, кажется, прошедший день должен был на всю жизнь отучить его строить планы. Что бы ни случилось – это результат его решения, а не чужой прихоти. Как же там это делалось...

Соткавшееся облако показалось темнее самой черноты. А в следующий миг Эрик убедился, что демоны все же существуют. То, что вырвалось из мрака, походило на медведя, если, конечно, бывают медведи, которые даже на четырех лапах кажутся выше человеческого роста. А может, и не выше, просто Эрик не успел толком рассмотреть. Он вообще ничего не успел – только услышал рев, а в следующий миг повалился навзничь, едва успев выставить руку.

Хруст кости показался оглушительным, Эрик заорал, начатое было плетение рассыпалось. Он попытался отпихнуть зверя другой рукой, смрадное дыхание обожгло лицо, медведь выплюнул предплечье и вцепился туда, где шея переходит в плечо. Эрик попытался разумом отстраниться от боли, снова начать плетение – и опять все рассыпалось. А в следующий миг зверь почему-то бросил его, захрипел. Потом раздался тяжелый глухой удар, и рычание стихло. Только заходились лаем псы, да перекрикивались люди.

– Ничего страшного, – раздался спокойный голос Альмо-

да. – Забрел, видимо.

Эрик вцепился здоровой рукой в рану, наплевав на боль, – пережать артерию, пока не поздно. Получилось так себе, между пальцами пульсировала кровь. Потом его накрыло плетение, под рукой зашевелилось мясо, и он расслабился, обмякнув, позволяя тканям срастись. Интересно, ключица сломана? Скорее всего.

– А с мальчонкой что? – спросил кто-то.

Альмод склонился над ним, ощупал. Эрик вскрикнул, когда кости встали на место.

– До свадьбы заживет.

Послышались смешки. Кто-то поднял Эрика, подставив плечо, повлек за собой.

– Да откуда мне знать, чего псы не лаяли. Я не охотник и не собачник, – сказал Альмод. – Тушу можете унести, мне она не нужна. Здоровенный, мяса на всех хватит. Только живо, и убирайтесь.

Эрик позволил завести себя в дом, в глазах темнело от боли, кружилась голова – видимо, отголоски пережитого страха. У самой двери обнаружился Фроди, тяжело опирающийся о стену. Грязно выругался, увидев Эрика, и, шатаясь, побрел обратно к кровати.

Эрик опустился за стол, уронив голову на столешницу. В руке пульсировала боль – о ране на предплечье никто не позаботился. Стукнули ставни, сквозь закрытые веки пробились сияние – кто-то сотворил под потолком светлячок, горевший ярче полдюжины свечей.

– Набегался? – холодно поинтересовался Альмод.

Эрик не поднял головы:

– Убивай. Оправдываться не буду.

– Идите, погуляйте. Только плащи не забудьте, там зябко.

Заодно и местных разгоните. – Он помолчал. – Живо!

Прошуршали шаги, открылась и закрылась дверь.

Сзади рванули за шиворот, вытаскивая из-за стола. Эрик взмахнул руками, пытаясь удержать равновесие, вскрикнул, ударившись.

– Больно, да? – ухмыльнулся Альмод. – Поделом.

– Ненавижу... – выдохнул Эрик. Все равно он уже покойник, так что можно наконец высказать этому...

Удар выбил из него дыхание. Эрик упал на колени, прижимая руки к животу. Альмод наклонился, сгреб за грудки, вздергивая на ноги, встряхнул.

– Это за глупость. Думал, я за околицу тащился, потому что прогуляться захотелось, или время лишнее было перед прорывом? А если бы из прохода вылез не здоровый мед-

ведь, а кто-нибудь посерьезнее? Упырь, василиск, дракон...

– За дурака меня держишь? Их не бывает.

– Синего солнца тоже не бывает? – Альмод с размаху хлестнул по щеке, в голове зазвенело. – Черного неба? – Еще одна пощечина. – Зеленой крови?

Он снова встряхнул Эрика:

– Да сам Творец не скажет, через какой мир из бесконечного множества ляжет проход! И какая дрянь оттуда вылезет, прежде чем встанет защита! А ты ошибся в плетении, и защита не встала вообще.

Он выпустил ворот. Эрик упал на четвереньки, неловко опершись на прокушенную руку, та подломилась, и он со всей дури приложился скулой о пол.

– Ты. Подставил. Под удар. Непричастных.

В живот врезался носок башмака. Эрик завалился набок, стукнувшись спиной о ножку стола. Мог бы дышать – закричал бы. А так только и оставалось, что свернуться клубком и попытаться протащить воздух в легкие.

Альмод опустился рядом, снова рванул за воротник, заставляя сесть. Прошипел в лицо:

– Самоуверенный самовлюбленный дурак!..

– Я не напрашивался! – Наконец-то получилось вдохнуть. – Я вообще не хотел...

– И не нашел ничего лучше, чем дезертировать.

– Я не клялся никому в верности! И не буду...

– А кто будет? Кто защитит этих людей, если одаренные

вроде тебя будут кривить носы: слишком грязно, слишком опасно, слишком... Все слишком, пусть всем этим занимается кто-то другой! — Альмод выпрямился, глядя сверху вниз.

— Как будто тебе, благородному, есть дело до черни, — устало сказал Эрик, прислонившись спиной к ножке стола. Болела рука, ныл живот, раскалывалась голова, и не осталось сил ни оправдываться, ни бояться. Пусть убивает. Уже все равно.

— А ты видел хоть раз, во что превращается земля, если прорыв не удержали сразу? Ни травы, ни кустика, ничего живого — и десятки лет не будет ничего живого? Видел город, полный костяков? Больших, маленьких, на двух ногах, на четырех... и только ветер воет на улицах?

Альмод сел на пол, так же прислонился к ножке стола, прикрыл глаза:

— Я тогда был на год старше тебя. Третий мой прорыв... Тогда я еще их считал. Командир не удержал плетение в переходе... Ему оставалось два шага до выхода, мне — пять. Я свалился без сознания на четвертом, но из прохода выпал. Или вытащили — не знаю, когда в жилах закипает кровь, трудно соображать...

— Тогда ты узнал про черное небо?

Зачем ему это знание, ведь все равно...

— Да. Вдвоем мы прорыв не удержали, конечно. Его сожрали, я... сбежал. Просто сбежал. Решил, что наконец-то свободен. Потом узнал: чтобы остановить тот прорыв, когда он

поглотил город, пришлось собирать всех. Все отряды. Пророков, первого... Всех, кто обычно не сражается, но тут пришлось. — Альмод надолго замолчал. — А когда меня поймали, специально провезли там, чтобы посмотрел и запомнил. — Он усмехнулся. — Надо сказать, я действительно запомнил.

— Озерное? — Эрик был тогда мал, но рассказы об опустошенной области ходили один страшнее другого, и он тоже запомнил.

— Озерное.

— И... что потом?

— Кнут. Должны были заporоть, но я живучий. Полгода в карцере. Новый отряд. Потом снова единственный живой. Теперь вожу свой.

— А как нашли?

Альмод усмехнулся. Дернул рукав, показывая шнурок на запястье с тремя дымчато-алыми бусинами:

— Ты не поверил. Я не знал, командир взял образец на посвящении и не рассказывал. Он вообще мало рассказывал... — Чистильщик поправил рукав. — Плетение простейшее. Так что повторять сегодняшнее не советую.

Значит, все-таки чтобы не затерялся: куда денешься от собственной крови.

— Я не... не поверил. — Эрик тоже закрыл глаза. — Просто умирать — так уж свободным. — Альмод хмыкнул. — А повторить... Ты сказал: «Найду и убью». Вряд ли мертвец способен сбежать.

– Это была угроза, а не обязательство. Но когда-нибудь мое терпение кончится.

Эрик ошарашенно уставился на него. Потом рассмеялся и с ужасом понял, что остановиться не может. Он хохотал и хохотал, завалившись набок, сворачиваясь в клубок на полу, пока откуда-то сверху не обрушился поток ледяной воды. Он всхлипнул, сел, размазывая воду по лицу. Как будто командир до сих пор был образцом долготерпения. Не обязательство, значит... Да можно ли верить хоть одному его слову?

Альмод легко поднялся.

– А после того как Фроди подставился, спасая тебя, он мне самому голову открутит, если я попытаюсь тебя убить.

Не спрашивая разрешения, он завернул рукав на раненой руке, ощупал, не утруждаясь диагностическим плетением.

– В смысле?.. – прошипел Эрик сквозь зубы.

– А ты что, не понял, что он вытолкнул тебя из-под места прорыва? Он сам мог бы просто отскочить.

Неправда! Фроди его за пустое место держит! Альмод врет, снова врет!

– Да и ты мог бы, если б не зевал.

Командир дернул за руку, совмещая обломки кости. Эрик вскрикнул. Зажмурился, вспоминая. Вот он сам ошеломленно оглядывается, выйдя из прохода. Вот замирает Альмод, чуть склонив набок голову. А потом все одновременно отскакивают в стороны, он сам летит кубарем, а за спиной раздается крик. Твою же мать...

– Тебя бы сожрали, если бы не он. Точнее, загнулся бы от боли и ран, прежде чем дожрали бы. – Альмод закончил плетение, которое должно было удержать кости на месте, принялся затягивать раны. – Чистильщики крепче, а ты пока не прошел посвящение.

– Со мной ты бы и не стал возиться, – хмыкнул Эрик, не зная, куда прятать взгляд. Щеки обожгло стыдом.

Альмод передернул плечами – то ли да, то ли нет.

– А до того...

– Я понял.

А до того – в переходе, когда он сиганул в сторону, вереща, точно первогодок, обнаруживший полсотни пауков в сумке с учебниками. Творец милосердный, позорище-то какое... А он еще что-то там про руки в крови кричал.

– Все. – Альмод поднялся. – Сам подновить плетение сможешь?

– Да.

– На ночь и утром, в течение недели. И ключица, не забывай.

– Знаю. – Эрик встал, тяжело опираясь о стол. Ноги едва держали.

Альмод шагнул к двери.

– За что он оказался на каторге? – спросил Эрик ему в спину.

– Спроси у него самого.

– А если не ответит?

– Значит, это не твое дело.

Он исчез в сениях, потом вернулся, поддерживая Фроди.

– Половина отряда калеки, – сказал тот, опускаясь на кровать. – Потрясающе.

– Плести я могу, – отозвался Эрик.

На самом деле – далеко не в полную силу. Когда тело бросает все резервы на восстановление, особо не наплетешь. И все остальные определенно это знали.

Он помолчал, собираясь с духом, и заставил себя посмотреть прямо в глаза Фроди:

– Я должен попросить прощения.

– Ну и зачем? – спросил Фроди, глянув на Альмода.

– Потому что я так решил.

Фроди длинно вздохнул, снова посмотрел в глаза Эрику:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.